

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ, ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ.

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ИЗДАНИЕ

книгопродавца *Александра Смирдина*

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВДОВЫ ПЛЮШАРЪ СЪ СЫНОМЪ.

1838.

АМУ-ДЕРЬЯ.

=

Большія рѣки, эти основныя черты, проведенныя на земномъ шарѣ самою природою, нарочно для того, чтобы подлѣ нихъ скоплялись первыя ядра обществъ, сосредоточивалась дѣятельность и расцвѣтала образованность, всегда возбуждали любопытство людей и поражали своей важностью даже грубаго чловѣка. Первые народы боготворили большія рѣки. Самые первые писатели прославляли ихъ пользу и красоту, изображали теченіе и доискивались ихъ источниковъ. Рѣки суть жилы обществъ: онѣ развѣтвляются по ихъ членамъ и связываютъ члены въ тѣла, или народы. Онѣ очевидно созданы только для чловѣка, съ дивною заботливостью объ его благосостояніи и успѣхахъ. Поэтому, весьма понятно, что ученая и политическая Европа придаетъ въ наше время столько важности вопросамъ о теченіи, истокахъ и свойствахъ трехъ огромныхъ рѣкъ, Нигера, Инда и Аму-дери, и не щадитъ ни трудовъ, ни издержекъ на ихъ изслѣдованіе.

Изъ трехъ рѣкъ, Аму-дери, какъ ближайшая соседка нашего отечества, заслуживала бы въ полной мѣрѣ сдѣлаться извѣстною свѣту исключительно черезъ Русскихъ. Этотъ полный жизнію вопросъ новѣйшей Географіи, во всѣхъ отношеніяхъ—касается до насъ несравненно болѣе, чѣмъ до другихъ народовъ. Я не льщу себя неумѣстной мыслию, что исполню здѣсь долгъ, лежащій на всѣхъ Русскихъ ученыхъ, тѣмъ болѣе, что иностранцы уже отчасти опередили насъ въ его исполненіи, и беру перо въ руки не для того, чтобы рѣшить, а только, чтобы развить вопросъ во всѣхъ его частяхъ, показать сегодняшнее его со-

стояніе, и отдѣлить отъ достовѣрнаго то, что лежитъ еще во мракѣ. Кромѣ извѣстій, доставляемыхъ древними Греческими и Восточными писателями, я употребляю въ дѣло всѣ новѣйшія данныя Гг. Макартнея, Эльфинстона, Ваддингтона, Мейендорфа, Муравьева и Бернса, не забывая Абульгази-Хана и въ особенности драгоцѣнныхъ показаній Великаго Монгола Бабера, уроженцевъ той страны. Собственныя мои извѣстія, почерпнутыя въ личныхъ сношеніяхъ съ туземцами во время долгаго занятія предметомъ, который всегда казался мнѣ крайне любопытнымъ, послужать мнѣ только руководствомъ при оцѣнкѣ и выборѣ подробностей, сообщаемыхъ разными писателями: не смотря на несогласіе этой части матеріаловъ съ извѣстіями нѣкоторыхъ прежнихъ путешественниковъ и географовъ, я думаю имѣть право полагаться на нее довольно безопасно, тѣмъ болѣе, что имѣлъ удовольствіе видѣть ее почти повсюду вполнѣ подтвержденною послѣднимъ путешествіемъ Г. Бернса.

Всякому образованному читателю извѣстно, что эта рѣка, текущая въ пустынной странѣ, которою Западная Сибирь отдѣляется отъ Кабула и Персіи, знаменитая въ Исторіи и Географіи, и важная въ политическомъ и коммерческомъ отношеніяхъ, начинается у западныхъ предѣловъ Китайской Имперіи и оканчивается въ Аралѣ. Древніе называли ее Оксусомъ; Аравитяне Джейхуномъ. По свидѣтельству Якута, прежнее Персидское ея имя было — Гарунъ. У нынѣшнихъ Европейскихъ писателей она извѣстна подъ именами *Gihon* и *Oxus*; но современные Азіятцы зовутъ ее не иначе какъ *Дерья-и-Аму* или *Аму-дерья*, «Аму море», потому что Персіяне придаютъ большимъ рѣкамъ названіе «моря», подобно Аравитянамъ, въ языкѣ которыхъ Ниль и Тигръ называются также морями, *бахръ* (*Бахръ эль Ниль*, *Бахръ*

эль Диджле), а въ Персо-Бухарскомъ нарѣчїи слово *дерья* значить просто-рѣка. Несправедливо утверждаютъ, будто имя Джейхуна нынче не извѣстно жителямъ той страны, или что оно служитъ только въ какой-нибудь части теченія : это, напротивъ, и теперь употребительное, общее названіе всего древняго Оксуса; но названіе ученое, книжное, которое никогда не было простонароднымъ въ тѣхъ странахъ, такъ какъ это-слово Арабское, а не мѣстное. Означеніи его мы скажемъ ниже: теперь замѣтимъ только, что въ Азїи есть не одинъ этотъ Джейхунъ.

Оксусъ, извѣстный уже Геродоту, прославленъ въ особенности историками Александра Великаго, и должно сказать, что въ числа ихъ, Курцій, какъ нынче оказывается, имѣлъ о немъ и его берегахъ очень хорошія свѣдѣнія. Въ среднихъ вѣкахъ, онъ играетъ весьма важную роль у Арабскихъ писателей и въ *Шахъ-наме*, героической поэмѣ Фирдоусія, подъ именемъ Джейхуна. Въ новѣйшее время онъ былъ уже предметомъ нѣсколькихъ политическихъ предпрїятій, кромѣ безчисленныхъ диссертаций со стороны геологовъ и географовъ и сочинителей плановъ для всеобщей торговли, особенно для непосредственныхъ сношеній между Россїей и Индією. Геродотъ, который не зналъ ничего положительнаго о существованіи Аральскаго Озера, окруженнаго тогда на большое разстояніе дикими и недоступными племенами, написалъ въ одномъ мѣстѣ наугадъ, что Оксусъ впадаетъ въ Каспійское Море, и умозрители по части Географїи и Политики нынче стараются, одни отыскать древнее его устье, другіе доказать возможность возвращенія ему прежняго корыта и соединенія его съ Каспійскимъ Моремъ. Есть даже такіе, которые серьезно толкуютъ о страшномъ землетрясеніи, обратившемъ эту часть Азїи вверхъ-ногами, чтобъ связать повѣсть Геродота съ одной рытвиною, найден-

ною капитаномъ Муравьевымъ у восточнаго берега Каспія. Петръ Великій, извѣщенный, что въ Аму находится золотой песокъ, обратилъ первый вниманіе на эту рѣку, и слѣдствіемъ извѣстія была экспедиція Бекевича, основанная на ошибочномъ предположеніи, будто Еркенъ (Яркендъ) впадаетъ въ Аму. Основатель Оренбурга, статскій совѣтникъ Кирилловъ, и геодезистъ Муравинъ пытались учредить прямое торговое сношеніе Россіи съ Индіею, готовя суда на Уралъ и перевозя ихъ разобранными на Аральское Озеро. Смерть Муравина остановила эти обширные замыслы, которые впрочемъ были напрасны, потому что устье Аму не судоходно, чего, кажется, не знали творцы великолѣпнаго плана. Не смотря на столько предлоговъ къ славѣ и на истеченіе цѣлаго столѣтія съ того времени, рѣка эта доселѣ окружена была мракомъ неизвѣстности, который еще усилился отъ хаоса домысловъ и предположеній. Донныя едва нѣсколько точекъ длиннаго его теченія опредѣлены съ изрядною основательностью и показаны вѣрно на нашихъ картахъ: вся остальная часть начертана произвольно, и во многихъ мѣстахъ географическая фигура Оксуса совершенно уклоняется отъ дѣйствительнаго его направленія, даже на спеціальныхъ картахъ — Макартнея, Эльфинстона и Ваддингтона.

Оксусъ, Джейхунъ, или Аму-дерья, заслуживаетъ носить имя Азійскаго Нила, съ которымъ онъ имѣетъ большое сходство. Вытекая изъ холодной, гористой страны, лежащей между Омскомъ и Кабуломъ, неприступной, неизвѣданной учеными путешественниками, онъ, подобно Нилу, долго извивается между скалъ и горныхъ хребтовъ, гдѣ надѣляетъ плодородіемъ и жизнию небольшія области, расположенныя на его берегахъ; потомъ, подобно Нилу, выходитъ на равнины и бросается въ обширную песчаную пусты-

ню, настоящую Азійскую Ливію, по которой стремится почти прямо, сопровождаемый, какъ въ Египтъ, двумя узкими лентами зелени, питающейся водою, отведенною изъ его русла посредствомъ каналовъ или добровольно выступающею изъ его береговъ, всякое лѣто; наконецъ, близъ Аральскаго Озера, въ Хивь, образуетъ болотистую дельту и впадаетъ въ него двумя главными устьями. Продолжая описаніе, мы укажемъ еще на другія точки сходства Оксуса съ Шиломъ.

Въ географическомъ отношеніи, Оксусъ, или Джейхунъ, составляетъ основаніе двухъ обширныхъ системъ классификаціи Азійскихъ земель. Длинный горбъ земли, называемый восточною плоскою возвышенностью, разсѣкаетъ этотъ материкъ пополамъ отъ Алтая до Гималаевъ, и на немъ-то помѣщаются Монголія, Тангутъ и Тибетъ, три плоскія террасы, разделенныя между собою горами, обставленныя горами по сторонамъ, и возвышающіяся: первая на 3,500, вторая на 10,000, третья, уже поддерживаемая стѣнами Гималайскихъ Хребтовъ, на 14,000 футовъ надъ поверхностью моря. По ту сторону горба лежитъ Восточная Азія, по сю сторону, Западная, или Азія известная древнимъ, старая, настоящая Азія. Съ отлогости горба, обращенной къ западу, вытекаетъ Оксусъ: начинаясь у предѣловъ Тангута и окончиваясь близъ Каспійскаго Моря; обложенный притомъ пространными пустынями, онъ разсѣкаетъ собою всю западную Азію поперегъ, по направленію отъ востока къ западу, и образуетъ естественную границу между Азіями Сѣвѣрною и Южною, или, что почти всегда значило одно и тоже, между грубымъ и образованнымъ Азійскимъ челоукомъ. Съ глубокой древности рубежъ этотъ признакъ былъ коренною чертою дѣленія. Съюга, до Оксуса была—Азія, съ своей образованностью, съ своими искусствами, религіями, по-

литикою, исторіей, славой; за Оксусомъ къ сѣверу, — земля неизвѣстная, обитель разбоя, варварства, мрака и басни. Съ юга до Оксуса, земли, гдѣ жилъ чело-вѣкъ образсванный, назывались общимъ именемъ *Иранъ-Земинь*, «Землею по-сю-сторону», — и понынѣ Персія не имѣетъ другаго имени; за Оксусомъ, къ сѣверу, всѣ страны носили названіе *Туранъ-Земинь*, «Земли по-ту-сторону», чтѣ почиталось за однозначное съ землею ужаса. Это мѣстное раздѣленіе перешло и въ понятіи классическаго міра: древніе, приблизившись къ Оксусу, все, что лежало за этою рѣкою, прозвали *Трансоксиною*, то есть, «Заоксусиною». Аравитяне, водруживъ свои знамена на берегу Джейхуна, который они по преимуществу именовали «рѣкою», *негръ*, подобнымъ образомъ — всѣ неизвѣстныя и пегостепрїимныя земли, находившіяся по-ту-сторону, нарекли *Мавераннегръ*. *Ма вера'нъ негръ* значить — «чтѣ за рѣкою», или «Зартъче». Такъ, Римляне и Аравитяне, слѣдуя примѣру Персовъ, старались отличить *Туранъ* отъ остальной Азіи особенными названіями, но ни тѣ, ни другіе не изобрѣли въ своихъ языкахъ отдѣльнаго имени для Ирана. Въ послѣдствіи значеніе словъ — Трансоксиана и Мавераннегръ ограничилось, и начало быть примѣняемо только къ одной части Турана, составляющей особую систему земель, о которой мы тотчасъ скажемъ. *Иранъ* и *Туранъ* удержали до сей поры въ Азіи свое обширное значеніе, и оба эти слова приняты теперь многими Европейскими географами въ число техническихъ терминовъ.

Вотъ вторая система классификаціи Азійскихъ земель, которой базисъ также на Оксусѣ. Изъ той же отлогости восточной плоской возвышенности и очень близко къ мѣсту, гдѣ находятся истоки Оксуса, Джейхуна, или Аму-дерьи, вытекаетъ другая значительная рѣка, называемая у древнихъ *Иксартомъ*,

у Аравитянъ *Сейхуну*, а у туземцевъ *Сыр-дерей*, стремящаяся вдоль всей Киргизской Стени и выдающаяся въ сѣверный уголъ Арала, между-тѣмъ какъ Оксусъ имѣетъ свое устье въ южной оконечности этого огромнаго озера, прозваннаго Турецкими племенами *Арау-куль*, «Срединнымъ озеромъ», именно по той причинѣ, что оно лежитъ посреди двухъ устьевъ. Выливаясь изъ одной окрестности, Оксусъ и *Иаксартъ*, или *Аму-дерья* и *Сыр-дерья*, расходятся другъ съ другомъ въ своемъ теченіи, и потомъ опять сближаются у предѣла своего поприща. Огромная полоса великой пустыни, простирающейся между Сибирью и Персією, заключена между ихъ руслами, и, подобно Ливійской, она усыяна оазисами, то есть, островами плодородной земли, окруженными песчанымъ океаномъ: многіе изъ нихъ даже довольно значительны. Первое мѣсто между ними занимаютъ Бухара, и Согдъ, гдѣ лежитъ Самаркандъ; Гисаръ и Хarezмъ, или Хива. Другіе важнѣйшіе оазисы суть — Шегри-себъ и Карши къ югу, Ташкендъ, Худжендъ, Коканъ и Фергана, или Андеджанъ, къ сѣверу, на берегахъ *Сыр-дерья*. Множество мелкихъ оазисовъ расбросаны еще въ промежуткахъ. Названіе Трансоксіаны, или Мавераннегра служитъ теперь большею частію для означенія всѣхъ этихъ земель, лежащихъ между двумя главными рѣками пустыни и по ихъ берегамъ; земель, которыя попеременно то соединялись въ одно тѣло подъ скипетромъ могучаго властелина, то составляли семью союзныхъ, независимыхъ или враждебныхъ владѣній, и куда два раза, хотя очень не надолго, проникли изъ Ирана образованность, науки и роскошь, прославившія ихъ на всю Азію при династіи Саманидовъ и при ученыхъ потомкахъ Тамерлана.

Въ описаніи Оксуса мы часто принуждены будемъ употреблять слова — *Иранъ*, *Туранъ* и *Мавераннегръ*.

Точное опредѣленіе ихъ значенія пособить вразумительности предмета. *Иранъ* есть нынѣшняя Персія вообще, а въ особенности и въ тѣсномъ смыслѣ—земли, лежащія на лѣвомъ, или южномъ, берегу Аму-дерья. *Туранъ* — вся страна между этою рѣкою и Сибирскою границею, — потому что нынче должно отдѣлить Сибирь отъ Турана, къ которому она принадлежала прежде. Азіятцы часто присвоиваютъ Турану еще названіе *Туркистана*, то есть, «Земли Турокъ»; Наконецъ подъ именемъ *Мавераннегра*, или Трансоксианы, разумется длинная полоса земли, заключенная между рѣками Аму-дерьей и Сыръ-дерьей, со всѣми ея оазисами и бесплодными пустынями. Эту полосу называютъ также *Узбекистаномъ*, «Землею Узбековъ», нынѣшнихъ ея владѣльцевъ.

Одинъ изъ высочайшихъ хребтовъ Средней Азіи, Гинду-кушъ, отдѣляетъ Кабуль отъ Балха (Бактріаны), направляясь къ сѣверо-востоку. Изъ этого хребта выходитъ другой, который стремится къ сѣверу, по краю Китайскаго Туркистана: восточные географы и путешественники среднихъ вѣковъ называютъ его *Билуръ-тагъ*, правильнѣе *Билуоръ-тагъ*, то есть, «Хрустальныя Горы», и Марко-Поло, проѣзжавшій у его подошвы, пишетъ это имя *Велого*; тѣ, которые въ новѣйшее время посѣщали Среднюю Азію, производятъ вмѣсто *Билуръ-Булутъ-тагъ*, что значитъ «Облачныя Горы.» Къ этому хребту приставлена съ запада плоская возвышенность, быть-можетъ, отдѣльная и независимая отъ большой восточной плоской возвышенности, но всего вѣроятнѣе образующая только западное продолженіе террасы Тангута, которая лежитъ по ту сторону хребта; ровная, чрезвычайно высокая, и, какъ кажется, выше самаго гребня Горъ Хрустальныхъ или Облачныхъ и цѣпи Мусътага, или «Ледяныхъ Горъ», проходящей по западной ея границѣ, со стороны Мавераннегра. Это — равнина

Памиръ (Pamere, Pamer, Pamir). Она должна быть довольно длинна, потому что Марко-Поло употребил сорокъ дней для проѣзда ею. Она наполняет собою все пространство между Ваханомъ и Яркендомъ. Поэтому, мѣстоположеніе ея должно быть около 73° или 74° восточной долготы отъ Гринвича, между 38° и 41° широты. Середину ея занимаетъ озеро *Сыры-куль*. По свѣдѣніямъ, которыя Бернсъ собралъ отъ туземцевъ, она простирается отъ озера во всѣ стороны на шесть дней пути, что составляетъ радіусъ около ста пятидесяти верствъ. Изъ озера Сыры-куль или изъ окрестностей, — потому что свидетельства уроженцевъ Турана разногласны, — вытекаютъ Сыръ-дерья, Амударья и одинъ рукавъ Инда. Но въ томъ, кажется, нѣтъ сомнѣній, что они дѣйствительно имѣютъ свое начало на самой Памирской Равнинѣ, и въ подкрѣпленіе извѣстій Г. Бернса и моихъ, я нахожу у Арабскаго географа, Якута, положительное показаніе Ибнъ-эльфакна-Яхьи, который говоритъ, что одинъ источникъ Джейхуна лежитъ близъ Кабула, въ мѣстѣ по имени *Зиртъяданъ*, а другой «въ мѣстѣ называемомъ *Памиръ*.» Равнина эта обитаема только одними Киргизами, которые кочуютъ по ней въ небольшомъ числѣ улусовъ и живутъ въ кибиткахъ, похожихъ на Туркменскія, не зная употребленія муки, ни хлѣба. Объ ея необычайной высотѣ можно судить изъ слѣдующихъ подробностей: Азіятцы, которые на ней бывали, говорятъ, что ближайшія горы кажутся оттуда какъ-будто подъ ногами; она покрыта короткою, густою травою, не имѣетъ ни какихъ возвышеній, и только исчерчена неглубокими рывтинами, гдѣ снѣгъ лежитъ все лѣто; жители, отъ сильнаго холода, закутываютъ въ овчины не только тѣло, но даже руки и лице. Особеннаго рода животное, которое свойственно этой равнинѣ и любитъ самый холодный климатъ, составляетъ важную часть рассказовъ о Памирѣ: Кир-

гизцы называютъ его *расъ*, а жители низменныхъ частей Турана *кушгаръ*; оно больше коровы и меньше лошади, бѣлаго цвѣта, съ бородою подъ нижнею губою, какъ у козла, и съ парюю огромныхъ роговъ на головѣ. Эти рога, говорятъ, такъ велики, что одинъ человекъ не можетъ поднять пары ихъ съ земли; лисичи кроются въ нихъ, когда они оставлены въ полѣ, и внутри ихъ выводятъ дѣтей. Это показываетъ, что *расъ* принадлежитъ къ породѣ сайгъ, составляя нечто среднее между ниль-гауомъ, *antilope picta* Палласа, и Африканскимъ куду (*antilope strepsiceros*). Киргизцы лакомятся мясомъ этого страннаго животного, и, по увѣренію очевидцевъ, двѣ лошади нужны для того, чтобъ привезти тѣло одного убитаго *раса*.

Вотъ все, что мы знаемъ о равнинѣ Памиръ. Относя повѣсть о Булутъ-тагъ и Мусъ-тагъ, кажущимися какъ-будто подъ ногами, къ оптическому обману глазъ, незнакомыхъ съ законами перспективы (вышину этихъ хребтовъ полагаютъ въ 20,000 футовъ), нельзя однакожъ сомнѣваться, что равнина Памиръ, при одинаковой географической широтѣ съ Константинополемъ и Салоникою, чрезвычайно холодна, и что поэтому высота ея должна достигать по-крайней-мѣрѣ 10,000 футовъ, то есть, высоты площади Тангута, гдѣ однакожъ снѣгъ не лежитъ лѣтомъ въ рытвинахъ. Другое, несомнѣнное обстоятельство, — что обѣ главныя рѣки Турана, Сыръ и Аму, берутъ свое начало въ серединѣ этой плоской возвышенности, около озера Сыры-куль, а не изъ хребта Мусъ-тагъ или изъ горъ Пуштихаръ, отрасли хребта Булутъ-тагскаго, какъ полагали Макартней, Ирвейнъ, Эльфинстонъ и Ваддингтонъ. Они означаютъ истоки Аму подъ 38° широты и 72° долготы отъ Гринвича: по всѣмъ вѣроятностямъ, эту точку слѣдуетъ отодвинуть на северо-востокъ до 39° или даже до 39°30' широты и до

75° долготы. Сыръ-дерья, направляясь оттуда къ западу, должна разсыкать своимъ корытомъ Мусъ-тагъ, но Аму-дерья очевидно бѣжитъ съ Памирской террасы къ югу, входитъ въ горы, лежащія между террасою и Ваханомъ, и отсель уже поворачиваетъ къ юго-западу. Когда примемъ въ соображеніе, что выходя оттуда, Аму приближается по юго-западному направленію къ Балху подъ 36°20' широты и потомъ течетъ къ северо-западу въ Аральское Озеро, то общая фигура рѣки выйдетъ почти прямой уголь, котораго вершина близъ Балха, а бока почти равны между собою, каждый по тысячѣ верстѣ длины, болѣе или менѣе. Такимъ образомъ все теченіе Аму можно, довольно вѣрно, опредѣлить въ 2,000 верстѣ. Конечно, высота Памирской Равнины назначена нами предположительно, но мы думаемъ, что она не только не преувеличена, но гораздо ниже дѣйствительности: во всякомъ случаѣ, вспомнивъ, что Аральское Озеро 156 футами ниже уровня водъ океана, мы найдемъ, что рѣка, которой истокъ лежитъ по-крайней-мѣрѣ въ 10,000 футахъ надъ этимъ уровнемъ, должна сбѣгать по весьма стремительному склону и течь чрезвычайно быстро. И дѣйствительно, теченіе ея таково. Дознано, что отъ Балха до Аральскаго Озера Аму течетъ почти по прямой линіи. По наблюденіямъ Г. Бернса, наклоненіе русла въ этой части теченія только 2 фута на версту: это показывало бы разницу высоты между Балхомъ и Араломъ около 2,000 футовъ, и слѣдственно, отъ Памирской Равнины до Балха корытосклонялось бы на 8,000 до 9,000 футовъ, то есть, по 8 или 9 футовъ на версту. Такая стремительность была бы почти невѣроятна, если бы не слѣдовало догадываться, что въ этой половинѣ своего пути рѣка должна описывать между горами множество большихъ извилинъ и подвергаться порогамъ, и что видъ ея тамъ совершенно не похожъ на тотъ, какой придаютъ ей на картахъ. Какъ бы то

ни было, среднее наклоненіе русла Аму не можетъ быть меньше 5 футовъ на версту, и въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что оно гораздо больше въ верхней части теченія, чѣмъ въ нижней, и что оно постепенно уменьшается, приближаясь къ бассейну Арала, гдѣ Аму уже едва струится по поверхности безъ склона, раздѣляется на два корыта и множество протоковъ, пользуется всеми путями, чтобъ вылить свои воды въ бассейнъ, и образуетъ болотистую дельту, поросшую водяными травами, топкую, непроходимую. Самая часть Аральскаго Озера, лежащая противъ устьевъ, такъ плоскодонна, что на далекое пространство состоитъ вся изъ множества низкихъ острововъ и массъ пловучей травы, и представляется огромнымъ болотомъ или собраніемъ большихъ лужъ. Это уменьшеніе склона не принадлежитъ исключительно долинѣ Аму-дерья: оно составляетъ общій характеръ восточно-Аральской страны, потому что и Сыръ-дерья, приближаясь къ устью, течетъ очень тихо. Недостатокъ нужной стремительности весьма естественно объясняетъ, почему Сыръ и Аму становятся уже и мельче у своихъ устьевъ: онѣ обязаны спасеніемъ своимъ въ песчаной пустынѣ только стремительности ея склона ко впадинѣ Арала и Каспія, и тамъ, гдѣ склонъ становится менѣе значительнымъ, песокъ поглощаетъ большую часть ихъ воды. Если бъ продлить теченіе Аму еще верстъ на двѣсти по такому же склону, какимъ она пользуется въ Хивѣ, рѣка несомнѣнно была бы поглощена вся песками, и исчезла бы вполонинѣ этого прибавочнаго пути. Вотъ, почему древнее теченіе Оксуса въ Каспійское Море можетъ быть смѣло причислено къ баснямъ. Разница между уровнемъ Каспія и Арала, которую одни полагаютъ въ 150 футовъ, а другіе только въ 18, такъ незначительна, что принимая даже самое большее изъ двухъ количествъ за основаніе расчета, русло Аму не имѣло бы въ этой сторонѣ и полу-фута

наклоненія на версту, и на плотной почвѣ рѣка превратилась бы въ болото, а на песчаной она бы изсякла, не достигнувъ моря. Долина, видѣнная Г. Муравьевымъ, и которую онъ признаетъ прежнимъ корытомъ Оксуса, имѣвшимъ устье въ Балканскомъ Заливѣ, очевидно только большая рытвина или русло древняго потока. Черное и Каспійское Моря окружены отвсюду такими руслами, которыя пылкимъ, воображеніямъ путешественниковъ представляются корытами огромныхъ рѣкъ и доводятъ ихъ до пошлаго рѣшенія всѣхъ трудностей выгоднымъ орудіемъ землетрясеній.

Разсмотримъ повѣствованіе Геродота, которымъ все воюють за честь этой рытвины.

Повѣствованіе Геродота ничего не доказываетъ: ни въ какой части своего творенія не заслуживаетъ онъ менѣе вѣры, какъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говоритъ о странахъ окружающихъ Каспійское Море, о которыхъ онъ и его соотечественники имѣли самыя темныя и сбивчивыя понятія. Между-тѣмъ какъ въ одномъ мѣстѣ онъ утверждаетъ, что Оксусъ впадаетъ въ Каспійское Море, въ другомъ (I, 202) кажется ему, будто *Иаксартъ* (Сырѣ-деря), который онъ называетъ *Араксомъ*, пролегаетъ въ пустынь не сѣвернѣе, а южнѣе Оксуса, и, описывая, какимъ образомъ при этомъ *Араксъ* живутъ *Массагеты*, которые занимали нынѣшнюю *Киргизскую Степь*, назначаетъ ей истокъ въ *Матіенинскихъ Горахъ*, въ *Арменіи*! Это такой хаосъ, изъ котораго нельзя выжать ни капли здраваго смысла. Не справедливо однакожъ утверждаютъ все въ одинъ голосъ, будто Геродотъ ничего не слыхалъ о существованіи *Аральскаго Озера*. Мы чувствуемъ всю важность этого вопроса, всю необыкновенную занимательность его для науки, всю отвѣтственность, какую принимаемъ на себя, противорѣча въ этомъ цѣлому собору толкователей отца *Исторіи*, и тѣмъ не менѣе будемъ защищать свое мнѣніе. Намъ кажется,

что даже весьма нетрудно доказать, что онъ слышалъ о существованіи этого озера, что ему положительно о немъ рассказывали, — только онъ не разслышалъ, и, теряясь въ своихъ извѣстіяхъ, переименовалъ въ головѣ три отдѣльныя рѣки, Іаксартъ, Оксусъ и Араксъ: поимѣстивъ Іаксартъ южнѣ Оксуса; послѣ такой перестановки двухъ корытъ, очень естественно, что болотистую дельту Оксуса съ ея сорока устьями приписалъ Іаксарту и пустилъ ихъ въ *болота и лужи*, то есть, въ Аральское Озеро съ его болотами; а какъ въ то самое время принялъ за одно Іаксартъ и Араксъ, назвавъ обѣ рѣки Араксомъ, и зналъ навѣрное, что какой-то Араксъ вливается въ Каспій, то и не могъ выпутаться иначе изъ неизвѣстнаго ему лабиринта, какъ предположивъ, что одно изъ сорока устьевъ отдѣляется отъ купы и уходитъ одиноко въ Каспійское Море. Стоитъ только проникнуть эту тайну его учености, и вы очень ясно поймете уродливую повѣсть его о Массagetскомъ Араксѣ, или Іаксартѣ. Вотъ она. *«Этотъ Араксъ вытекаетъ изъ горъ Матіенинскихъ (не этотъ, а Арменскій, настоящій Араксъ), гдѣ также источникъ Гинда (Gyndus)....., и вливается сорока устьями (сорока устьями вливается не онъ, а Оксусъ) въ болота и лужи (что жъ это, если не Араль?.....), гдѣ всѣ они теряются, исключая одного. Повѣствуютъ, что въ этихъ болотахъ и лужахъ (то есть, на этой дельтѣ Оксуса, которую онъ приклеилъ своему Араксу, на этихъ островахъ Арала) живутъ люди, которые питаются только сырою рыбою, и не знаютъ другой одежды кромѣ кожъ водныхъ животныхъ (спрашиваемъ еще разъ, не Араль ли это?). Одна только рѣка Аракса не вливается въ эти болота, и течетъ въ Каспійское Море (и это настоящій Араксъ!). Только недостаточное знаніе географіи Арала, Каспія и этихъ трехъ рѣкъ, могло привести толкователей Геродота къ предположенію будто онъ не слышалъ объ Аральскомъ*

Озеро, или будто оно не существовало въ его время, и объявить это мѣсто неразгадаемымъ. Изъ всѣхъ своихъ извѣстій объ Арало-Каспійской странѣ, которая такъ забавно перепуталась въ его воображеніи, онъ хорошо упомянулъ и случайно передалъ въ исправности только одно, — что Каспій есть море отдѣльное, несоединяющееся ни съ какимъ другимъ, и что его протяженіе отъ сѣвера къ югу. Мы говоримъ — *случайно*, потому что понятія его соотечественниковъ и современниковъ о Каспійскомъ Морѣ были таковы, что не могли пособить его памяти, а скорѣе были въ состояніи сбить ее съ толку. Скоро послѣ, не смотря на его увѣренія, сподвижники Александра Великаго приняли это море за заливъ океана. Страбонъ и Плиній еще вѣрили этому. Птоломей исправилъ ихъ ошибку и возвратилъ Каспію званіе средиземнаго моря, но назначилъ ему протяженіе отъ востока къ западу. При такомъ положеніи географическаго знанія, могъ ли онъ сказать что-нибудь дѣльнаго о Каспійи иначе какъ наугадъ и случайно? И заслуживаетъ ли это преданіе объ устьѣ Оксуса въ это море той важности, которую стараются придать ему?

Что касается до преданій и извѣстій, собранныхъ Г. Муравьевымъ у Туркменцевъ и Хивинцевъ объ этомъ предметѣ и о самой рѣкѣ Аму, — то они не въ состояніи выдержать ни какого критическаго разбора. Не только недостатокъ приличнаго склона, но и другія естественныя преграды для теченія рѣки существуютъ, кажется, между Хивинскимъ Оазисомъ и Балканскимъ Заливомъ. Мифіе, излагаемое Абульгазиемъ, о прежнемъ теченіи Аму къ Каспійскому Морю, заслуживаетъ вниманія только какъ способъ, которымъ онъ объяснялъ себѣ существованіе и прежнюю цѣль этой или какой-нибудь другой рытвины. Въ Хивѣ и въ целомъ Туранѣ существуетъ совсѣмъ другое преданіе: жители этихъ странъ думаютъ,

что воды Арала уходятъ въ Каспійское Море подземнымъ путемъ. Есть мѣсто между двумя морями, называемое Кара-гумбездъ, гдѣ обыкновенно останавливаются караваны. Это, по видимому, цѣпь песчаныхъ возвышеній. Нѣкоторые Туранцы утверждаютъ, что, ставъ на этомъ горбу, вы слышите подъ ногами шумъ стремящейся воды, похожій на слова: *каредумъ, карадумъ*, «я увидѣлъ». Конечно, испареніе болѣе чѣмъ достаточно для отнятія у Арала всей воды приливаемой въ него Сыромъ и Аму, и повѣрье о нынѣшнемъ подземномъ корытѣ не основательнѣе ученой гипотезы о прежнемъ надземномъ; примѣчательно только то, что на возвышеніяхъ Кара-гумбеца вода находится тотчасъ подъ почвою, тогда какъ въ окрестностяхъ его надобно углубиться на сто сажень и болѣе, чтобъ достигнуть первой водяной плоскости.

Изъ всего этого можно заключить съ изрядною достоверностью, что Аму имѣла всегда то же устье, которое мы теперь знаемъ. Аральское Озеро, помѣщенное у подножія огромнаго склона, принадлежащаго къ величественной системѣ восточной плоской возвышенности; вырытое съ своимъ бассейномъ тамъ, гдѣ склонъ уже превращается почти въ горизонтальную плоскость; наполненное водою прѣсною и годною къ питью, кажется естественнымъ и кореннымъ водоемомъ, искони приготовленнымъ для принятія струй Сыра и Аму, — и здѣсь мѣсто подивиться устройству этого отдѣла поверхности земнаго шара, на которомъ ничего не существуетъ безъ цѣли и глубокаго соображенія!

Сыръ и Аму вытекаютъ изъ одного озера, вырытаго на ужасной высотѣ, холодной и неспособной къ обитанію образованнаго человѣка. Природа какъ-будто хотѣла употребить съ пользою для органической жизни массу водъ, скопляющуюся безъ употребленія въ центрѣ этой негостепріимной страны; при-

соединивъ еще къ ней безплодные снѣга Булутъ-тага, Гинду-куша и другихъ окрестныхъ хребтовъ, она свела всѣ протоки въ эти двѣ большія рѣки: нарочью такъ углубила землю около Каспія и Арала, чтобы доставить имъ быстрый, безопасный склонъ по песчаной почвѣ, гдѣ онѣ должны разсѣвать движеніе, обзаводить бытіе челоуѣка и помогать развитію его умственныхъ способностей, и опять привела ихъ къ общему водоохранилищу, опять заставила ихъ образовать одно озеро, такъ нужное въ этой сторонѣ всему живущему.

Постараемся теперь описать долину Оксуса на всемъ ея протяженіи.

Ежели справедливо то, что Аму вытекаетъ изъ озера Сыры-куль или изъ его окрестностей, то есть, изъ центра Памирской Равнины, эта рѣка должна сперва очень долго и извилисто стремиться по направленію отъ сѣвера къ югу и юго-западу, потому что первая обитаемая область, которую она орошаетъ, спустившись съ высокихъ терассъ Памира, есть Ваханъ (Vochan, у Марка-Поло), между 38° и 39° сѣверной широты. Ваханъ—страна чрезвычайно гористая и еще довольно холодная. Аму поворачиваетъ здѣсь къ юго-западу и носить имя *Пенджъ-деры*, то есть, пятирѣчья, потому что она принимаетъ въ себя пять рѣкъ, или притоковъ, которые исчисляетъ Арабскій географъ Истахри.

Отъ Вахана къ западу начинается область Бадахшанъ, или Бедехшанъ, которая длинною и довольно широкою полосою разстилается по южному берегу Оксуса, со стороны Ирака. Страна эта гориста, изрѣзана отраслями Булутъ-тага, который проходитъ по восточной и южной его границѣ. Множество мелкихъ рѣчекъ впадаютъ здѣсь въ Пенджъ-дерью съ юга, и наконецъ соединяется съ нимъ самый значительный изъ всѣхъ его

рукавовъ, рѣка Бедехшанъ, или Кокче, на которой построенъ городъ Бедехшанъ, иногда называемый Фейзабадомъ. Это столица области; она находится въ сѣвѣ двадцати верстахъ отъ Пенджъ-дерьи, которая принимаетъ здѣсь имя *Аму* или *Аму*, и отдѣлена отъ нея горами. Климатъ здѣсь здоровый и прекрасный. Туземцы и Восточные путешественники съ восхищеніемъ говорятъ о долинахъ Бедехшана, его ручьяхъ, его романтическихъ видахъ, его плодахъ, цвѣтахъ, соловьяхъ. Не смотря на это, Бедехшанъ—страна еще очень высокая и холодная. Горы во многихъ мѣстахъ примыкають къ самой рѣкѣ Аму, которая течетъ между ними очень излучисто. Здѣсь—то копни рубиновъ, которые такъ прославили Бедехшанъ на Востокъ, что его зовутъ *Кали-лааль*, «Рудникомъ яхонтовъ». Онѣ находятся на самомъ берегу Аму, и досель разрабатываются: одинъ туземецъ увѣрялъ Г. Бернса, что подземные проходы прокопаны для этого подъ рѣкою. Рубины, по мнѣнію промышленниковъ, которые ихъ отыскивають, всегда лежать по два въ одномъ мѣстѣ, и работники, нашедъ одинъ изъ нихъ, скрываютъ его до того, пока откроють другой, изъ опасенія быть обвиненными въ покражѣ втораго; не то разбиваютъ его на два куска. Эти драгоценные камни содержатся здѣсь въ массѣ песчаника. По близости рубиновыхъ копней находятся каменоломни лаписа-лазули, также на берегу Аму. Его откальвають помощію огня и воды: сперва, разложивъ огонь подъ глыбою лаписа-лазули, сильно нагрѣвають ее; потомъ льють на нее холодную воду, отъ которой она трескается. Нѣкоторые куски этого минерала бывають съ прекрасными золотистыми жилками. Бедехшанскій лапись-лазули вывозился прежде въ большомъ количествѣ въ Китай, но теперь требованіе уменьшилось. Жители всѣ—Таджеки, то есть, сѣверо-восточные Персіяне: они говорятъ по-Персидски и

произносятся такъ чисто, какъ уроженцы Ирана. Они сохраняютъ свои древніе народныя обычаи, совершенно различныя отъ Турецкихъ, чрезвычайно любятъ общество, и славятся гостепріимствомъ, такъ, что по словамъ Туранцевъ, въ Бедехшанъ за хлѣбъ никогда не берутъ денегъ съ проѣзжаго. До 1822 года между ними не было Узбековъ и ни какихъ другихъ Турковъ, и владѣтель Бедехшана, производившій родъ свой отъ Александра Великаго, принадлежалъ къ туземному племени; но около того времени *миръ* (эмиръ) Кундуза, Турокъ свирѣпый и алчный, попалъ на эту плодородную область, опустошилъ ее огнемъ и мечемъ, плѣнилъ самаго *шаха*, и овладѣлъ его странюю. Онъ особенно устремилъ свою жадность на рубиновыя копи, которыя разрабатывались людьми, занимавшимися наслѣдственно этимъ ремесломъ. Какъ поиски были для нихъ не прибыльны и они отказались работать, то жестокій завоеватель перевелъ ихъ въ свои Кундузскія болота, гдѣ это поколѣніе почти все вымерло. Въ январѣ 1832 случилось еще сильное землетрясеніе, которое уничтожило много деревень и часть народонаселенія. Оно было оцутительно въ разныхъ странахъ Азіи, но извергло свой ужасъ преимущественно на долину Оксуса. Дороги были здѣсь завалены обрушившимися утесами; рѣка Бедехшанъ пять дней была запружена упавшимъ въ нее холмомъ. Къ довершенію бѣдствія, это страшное явленіе обнаружилось въ полночь: камни вдругъ посыпались на спящихъ, и почти не было семейства, которому бы не пришлось оплакивать одного или нѣсколькихъ изъ своихъ сочленовъ. Послѣ всѣхъ этихъ разбоевъ и несчастій, Бедехшанъ теперь почти безъ жителей.

На сѣверномъ берегу Аму, въ Туранъ, насупротивъ Бедехшана, вся страна весьма гориста и очень мало населена; общее ея названіе—*Хуттель* или *Хуттелянь*, но она раздѣляется на нѣсколько удѣльныхъ

областей. Подлѣ Вахана, который также зависитъ отъ Кундузскаго мира, лежитъ на берегу рѣки лдиная область Шугнанъ; далѣе къ западу Дарвазъ; потомъ небольшая земля Кулябъ, или Бельгиванъ, черезъ которую протекаетъ рѣка Каратыгинъ, или Сурхъ-абъ, то есть, «Красная вода», впадающая въ Аму почти противъ западной оконечности Бедехшана. Во всѣхъ этихъ Туранскихъ областяхъ Хуттеляна едва есть по нѣскольку деревень. Жители Вахана не Турки и не Персіане: они говорятъ совершенно отдѣльнымъ языкомъ, не похожимъ на другіе извѣстные. Подобнымъ образомъ и поколѣніе, обитающее въ Шугнанъ, которое тоже платитъ дань Кундузскому миру. Дарвазъ уже населенъ Таджеками, и управляется независимымъ владѣтелемъ того же племени; Кулябъ также; но года три или четыре тому назадъ Кундузскій хищникъ овладѣлъ и этимъ мѣстомъ. Воды Аму, какъ извѣстно, уносятъ съ пескомъ частицы золота, и въ разныхъ мѣстахъ отъ Вахана до Куляба и даже далѣе къ западу, жители промываютъ иль, чтобъ отдѣлать отъ него металлъ; но скудное производство это доставляетъ наиболѣе выгоды въ Дарвазской области, гдѣ промышленники видно ищутъ или золото обильнѣе. Баронъ Мейендорфъ описалъ способъ промыванія, употребляемый въ нижней части Аму.

Вся эта часть теченія Оксуса, отъ ската его съ Памирской возвышенности и входа въ Ваханскія Горы до слиянія съ нимъ рѣкъ Бедехшана съ юга и Каратыгина съ сѣвера, замѣчательна еще въ историческомъ отношеніи, по случаю страннаго преданія, которое тамъ укоренилось, и котораго отнюдь не подвергаютъ сомнѣнію жители сосѣднихъ странъ и даже отдаленныхъ областей. Бывшій владѣтель Бедехшана, который носилъ громкій титулъ шаха, владѣтели или миры Вахана, Шугнана, Дарваза, Куляба, — всѣ счи-

таютъ себя потомками *Искендери-Руми*, «Александра Греческаго», и признаны въ этомъ благородномъ званіи не только своими подданными, но соперниками и врагами. Они составляютъ особую династическую касту, подобно Бурбонамъ; женятся только между собою, и полагаютъ унижительнымъ для своего классическаго рода выдавать дочерей за особъ другихъ владѣтельныхъ домовъ. Это царственное поколѣніе распространилось даже за предѣлы долины Оксуса: за Булутъ-тагомъ, который, обогнувъ Ваханъ, охватываетъ восточные предѣлы и часть южной границы Бедехшана, между этимъ хребтомъ, Кашмиромъ и Малымъ-Тибетомъ, лежатъ области Читраль, Гилгитъ и Искардо, которыхъ владѣтели принадлежатъ къ той же династіи, и провозглашаютъ себя потомками въ прямой линіи Александра Великаго. Преданіе или притязательство это не ново, и едва ли можетъ быть выводомъ ложной учености мусульманъ: Марко-Поло, еще въ XIII вѣкѣ, упоминаетъ о королѣ Бедехшанскомъ изъ рода Македонскаго завоевателя. Баберъ, въ XVI столѣтіи, подтверждаетъ эти родословныя. Въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что они не потомки Александра Великаго, у котораго не было прямыхъ наследниковъ; но тѣмъ не менѣе, преданіе, непоколебимое вѣками и постоянно сохраняющееся въ своей силѣ въ неприступномъ уголку Азій, достойно нѣкотораго вниманія. Легко быть-можетъ, что эти владѣтельные поколѣнія происходятъ отъ Греческихъ царей Бактріаны, которыхъ Азіяты всегда смѣшиваютъ съ Александромъ Великимъ, или, еще скорѣе, отъ намѣстниковъ этихъ царей. Родъ ихъ могъ пережить разрушеніе Бактрійскаго царства Монгольскимъ поколѣніемъ Саковъ (Кимаковъ, или Нохаевъ), около 130 года до Р. Х., могъ устоять и противъ другихъ бурь Востока въ гористыхъ областяхъ, лежащихъ внѣ большихъ военныхъ путей и очень поздно вод-

чинившихся исламу. И действительно, въ Бедех-
шанъ существуетъ общее преданіе, которое тамъ при-
нято за достовѣрное, что эта область первоначально
заселена колоніею изъ Балха (Бактрин). Нынче, по
введеніи религіи Магомета, когда время, невѣжество
и фанатизмъ истребили исторію страны и осталось
только темное воспоминаніе прошедшаго, тѣ самые,
которые удержали въ своемъ родѣ память Алекса-
ндра Великаго, почитаютъ этого завоевателя за проро-
ка, проповѣдывавшаго исламу за нѣсколько вѣ-
ковъ до гнджры. Тутъ же въ юговосточномъ углу Бе-
дехшана между этою областью, Читраломъ и Кабу-
ломъ, живетъ въ горахъ, изобилующихъ самороднымъ
золотомъ, цѣлое поколѣніе, грубое, дикое, хищное,
которое пожираетъ медвѣдей и обезьянъ и скалпиру-
етъ своихъ враговъ, и которому въ тѣхъ странахъ пре-
доставляютъ честь происхожденія отъ Македонянъ. Это
Сялгуши, «Черноплатные невѣрные», племя со-
вершенно отдѣльное отъ всѣхъ Азіятскихъ, съ голу-
быми глазами, свѣтлорусыми волосами и Европей-
скими чертами лица *. Нѣтъ ни какой нужды искать
для нихъ отечества въ Македоніи или Эпирѣ: это див-
ное поколѣніе мѣгло быть переведено Бактрійскими
Селевкидами или само бѣжало въ здѣшнія горы отъ
южныхъ береговъ Каспійскаго моря: мы уже сказа-
ли въ другомъ мѣстѣ, сколько новыхъ доводовъ попа-
дается каждый день въ пользу того факта, что Евро-
пейское племя распространялось въ глубокой древно-
сти по Малой Азіи, и окружало южные берега Чер-
наго и Каспійскаго морей. Языкъ Сялгушей, непохо-
жій ни на одинъ изъ сосѣднихъ, обнаруживаетъ мно-
гія точки сходства съ Европейскими, Персидскими и
Индійскими. Должно еще замѣтить, что это мѣстное
преданіе объ Александрѣ Великомъ перешло и за исто-
ки Оксуса. Одно небольшое поколѣніе, по имени

* Библиотека для Чтенія, No 16, Сивъ стр. 79.

Тангуни, живущее за Памирскою Равниною, въ Восточномъ Туркистанѣ, и изъ котораго Китайцы набираютъ солдатъ для Яркендскаго гарнизона, тоже выдаетъ себя за потомковъ воиновъ Македонскаго героя. Тангуни одѣваются по-Китайски.

Выходя изъ того отдѣленія высшей долины Оксуса, которое можно назвать «Долиною преданій объ Александрѣ Великомъ», тамъ, гдѣ оканчиваются Бедехшанъ на южномъ берегу и Кулябъ на сѣверномъ, начинается съ юга Кундузъ, съ сѣвера Гисаръ. Кундузъ, — это слово значить «бобръ», — лежитъ къ юго-западу отъ Бедехшана, и состоитъ изъ долины довольно значительной рѣки, составленной изъ двухъ притоковъ, которые выходятъ изъ горъ Гинду-куша, и питаются его снѣгами. На первомъ построенъ городъ Кундузъ, въ которомъ нѣтъ и двухъ тысячъ жителей; на второмъ, городъ Талиханъ. По соединеніи своемъ ниже города Кундуза, оба притока образуютъ одну рѣку, которая, подъ именемъ Акъ-серая, впадаетъ въ Аму. Кундузская область примыкаетъ къ древнему Оксусу только этою частью своей долины, а самая долина углубляется верстъ на шестьдесятъ во внутренность Ирана. На Оксусѣ лежитъ одинъ лишь уѣздъ этой долины, называемый Газрети-Имамъ, съ городкомъ того же имени, нѣсколько ниже устья Акъ-серая. Климатъ всей Кундузской Долины крайне нездоровый: лѣтомъ жары несносныя, а зимою снѣгъ лежитъ три мѣсяца. Въ Хуллумъ и Балхъ, которые лежатъ недалеко отсюда къ западу, подъ тою же широтою (почти подъ 36°), плоды созрѣваютъ двумя недѣлями прежде. Большая часть долины — непроходимое болото; дороги построены на сваяхъ, окруженныхъ высокими болотными травами. Въ мѣстахъ, непотопленныхъ водою, сѣютъ рисъ, а въ тѣхъ, которыя посуше, ячмень и пшеницу. Долина обставлена двумя невысокими рядами возвышеній, покрытыхъ дерномъ.

Исполинскій Гинду - кушь видѣнъ изъ Кундуза. Немного далѣе къ западу, подлѣ Кундузской Долины, есть другая, поменьше, и тоже упирается въ Аму: она служить протокомъ рѣчкѣ Хуллумъ, которую по нѣскольку дней то запружаютъ, то пускаютъ: на ней построены два города, Хуллумъ и Гейбекъ, столицы двухъ уѣздовъ, принадлежащихъ Кундузу. Сады, расположенные на ея берегахъ, богаты и прекрасны; здѣсь уже растетъ смоква, которой нѣтъ и въ Кабуль. Около устья рѣки Хуллума былъ нѣкогда мостъ на Аму, и служилъ границею Хуттеляну; рѣка здѣсь очень узка, но быстра и глубока: «я не знаю другой, говоритъ Якутъ, въ которой было бы столько воды при такомъ узкомъ корытѣ, какъ въ этомъ мѣстѣ». Аму приближается верстъ на тридцать къ городу Хуллumu, и нѣсколько западнѣе, между этимъ городомъ и Балхомъ, образуетъ колено, поворачивая отсюда къ сѣверо-западу. Отъ Балха, который лежитъ на той же параллели съ Хуллумомъ, Аму удаленъ уже на сорокъ восемь верстъ, — что однако жъ составляетъ только половину разстоянія, показаннаго на картахъ Макартнея и Ваддингтона; сверхъ-того между Балкомъ и Аму нѣтъ ни горъ, ни возвышеній, которыми первый украсилъ свой чертежъ. Отъ того мѣста, гдѣ рѣка поворачиваетъ коленомъ, южный ея берегъ совершенно уже высвобождается изъ гористой страны; возвышенія видны только на сѣверномъ, со стороны Гисара: Аму входитъ въ пустыню, и течетъ по прямой линіи въ Араль, безъ тѣхъ живописныхъ изгибовъ, какіе придаются ей на картахъ. Здѣсь переломъ теченія и середина длины Оксуса. Одна лишь эта вторая его половина, которая течетъ прямо или почти прямо, можетъ быть довольно вѣрно изображена рисункомъ; первой половины, гдѣ рѣка извивается между неизвѣданными горами, при нынѣшнемъ состояніи свѣдѣній нельзя еще начертать даже въ

приблизительномъ видѣ. Аму здѣсь еще не шире 100 сажень, лѣтомъ, до наводненія; но уже отъ точки слиянія своего съ Кундузскою рѣкою, Акъ-сераемъ, до самаго Арала, она нигдѣ не представляетъ бродовъ. Выше устья Акъ-серая, и именно близъ Гаврети-Илама, она еще проходима такимъ образомъ шесть мѣсяцевъ въ году: въ этомъ мѣствѣ артиллерія переправляется въ бродъ безъ большаго затрудненія, и нынѣшній владѣтель Кундуза въ своихъ набѣгахъ не разъ испыталъ это удобство.

На сѣверномъ берегу, противъ долинъ Кундузской и Хуллумской и узкой полосы пустыни, отдѣляющей Балхъ отъ Оксуса, лежитъ въ Туранѣ оазисъ Гисаръ, который начинается у Куляба и оканчивается у разрушеннаго города Термиза, почти подъ меридіаномъ Балха. Этотъ оазисъ заходитъ на сто двадцать верствъ во внутренность Турана, и прикасается къ Оксусу только немногими населенными мѣстами. Какъ вся области сѣвернаго берега, которыя мы доселѣ описывали, это еще страна гористая: гряда горъ Когитенъ, поднимающаяся на 4,000 футовъ, проходитъ черезъ него по направленію отъ сѣвера къ югу; вѣтви ея, постепенно понижаясь, примыкаютъ къ самому Оксусу, и разсыпаются по берегу холмами, которые стѣсняють еще корыто. Нѣсколько рѣкъ, малыхъ и среднихъ, собираютъ въ себя воды этой купы утесовъ, и вливаютъ ихъ въ Оксусъ. Самая значительная между ними—Каферъ-ниганъ, возстающая изъ слиянія двухъ рѣкъ, Гисара и Чеганіяна: устье ея подлѣ Термиза. Вообще весь этотъ оазисъ орошенъ очень хорошо, и обилуетъ рисомъ и въ горахъ своихъ имѣетъ ломни красной соли, которой избытокъ вывозится въ другія земли. Онъ управляется четырьмя независимыми Узбекскими владѣтелями, которые раздѣлили его по смерти отца. Два ихъ города, Курганъ-типе и Термизъ, находятся на берегу Оксуса. Термизъ лежитъ на до-

рогъ изъ Балха, черезъ Шегрисебзь, въ Самаркандъ, — и извѣстенъ въ Исторіи и торговлѣ паромомъ своимъ на Аму-деревъ. Версть двадцать пять къ западу отъ Термиза есть другой не менѣ славный перевозъ у городка Килефа, лежащаго на большой дорогѣ изъ Балха черезъ Карши въ Бухару. Здѣсь окацчиваются прибрежные холмы: отсель оба берега свободно уже рисуются въ плоской и нагой пустынь. Рѣка становится шире и шире. Она здѣсь уже 150 сажень, но путники часто еще переплаваютъ вплавь. Тамерланъ и Надиръ — Шахъ строили здѣсь мосты на плашкотахъ, и слѣды этихъ построекъ, которымъ благопріятствовалъ самый берегъ, возвышающійся холмомъ по обѣимъ сторонамъ рѣки, видны донинѣ. Двадцать пять версть далѣе къ западу, у деревни Ходже-Салехъ (на Иранской сторонѣ), гдѣ также есть перевозъ, ширина рѣки въ июнь мѣсяцъ, до наводненія, 351 сажень, не считая двухъ песчаныхъ островковъ, которые разделяютъ ее на три корыта: ширина каждаго изъ трехъ корытъ, начиная съ сѣвернаго, 178, 45, 128 сажень. Въ это время глубина сѣвернаго корыта бываетъ 6, 12, 9, 6 футовъ; средняго всюду 6 футовъ; южнаго 6, 19, 15, 9, 6, — словомъ, ни въ какой точкѣ русла не глубже 20 футовъ, или почти трехъ сажень. Послѣ наводненія, въ первыхъ числахъ августа, когда вода уже значительно понизилась, глубочайшее мѣсто русла только десятью футами бываетъ выше этого, имѣя всего около 30 футовъ воды. Наклоненіе корыта въ этихъ мѣстахъ 2 фута на 1 версту, и вода течетъ съ быстротою $3\frac{1}{2}$ узловъ, то есть, пробѣгая по $5\frac{1}{2}$ верствъ въ часъ. Но примѣчательно, что теченіе не всегда такъ быстро. Нѣсколько ниже деревни Ходже-Салехъ, которой перевозъ служитъ только дополненіемъ Килефскому и ходить тогда, когда на большой дорогѣ изъ Балха въ Килефъ есть опасность отъ Туркменцевъ, Аму достигаетъ въ поперечникъ 400 сажень, и это ве-

личайшая его ширина: скоро, пески пустыни начинают дѣйствовать на уменьшеніе воды въ корыть, не пополняемомъ уже новыми притоками, и у городка Кирки (на Туранской сторонѣ) оно опять не ширѣ того какъ въ Килефѣ. Кирки, Килефѣ и Термизъ суть три главные перевоза между Мавераннегромъ и Хорасаномъ. Кирки лежитъ на дорогѣ изъ Бухары черезъ Карши въ Андху, городъ, принадлежащій Балхской области и построенный подъ тою же широтою какъ Балхъ, Хуллумъ, или Ташъ-Курганъ, Кундузъ, Талиханъ и Фейзабадъ (Бедехшанъ). Бдущіе изъ Бухары въ Фейзабадъ переправляются черезъ Аму въ Кирки, и, достигши Андху, слѣдуютъ черезъ все эти города.

Перевозы эти заслуживаютъ особеннаго вниманія по своей необычности, простотѣ и удобству. Къ баркѣ, служащей вмѣсто парома, закладываютъ пару лошадей, по одной съ cadaго боку, привязавъ къ гривѣ конецъ веревки, укрѣпленной къ борту: лошадей взнуздываютъ, какъ для верховой ѣзды, и чело-вѣкъ, стоящій на баркѣ, беретъ поводья въ руки; тутъ судно спихиваютъ въ воду, и, безъ всякихъ другихъ средствъ, при пособіи однѣхъ лошадей, оно переплываетъ ровно самое быстрое теченіе. Нѣтъ ни весла, ни багра: одинъ держитъ поводья, править лошадью, и кнотомъ понуждаетъ ихъ къ плаванію; другой владѣетъ рулемъ, чтобы давать лодкѣ направленіе и не допускать ее вертѣться и мѣшать лошадямъ въ ихъ водяномъ пути. Порой закладываютъ, вмѣсто пары, четверку: тогда двѣ прибавочныя лошади помѣщаются у кормы. Лошади не требуютъ ни какого предварительнаго обученія: тѣхъ же лошадей, на которыхъ вы пріѣхали къ перевозу, закладываютъ прямо изъ-подъ сѣдла въ паромъ, и когда случится цѣлый караванъ, каждый безъ моста перѣзжаетъ черезъ рѣку «на своихъ». Этимъ замыслова-

тымъ способомъ переправляются въ четверть часа черезъ быструю рѣку въ три четверти версты шириною, между-тѣмъ какъ лодки, приводимыя въ движеніе веслами, сносятъ теченіемъ за нѣсколько верстъ отъ пристани. Кажется, что это Туранское изобрѣтеніе могло бѣ быть съ успѣхомъ употреблено въ нашихъ арміяхъ для переправы пѣхоты на понтонахъ помощію тѣхъ же лошадей, на которыхъ они прибыли къ рѣкѣ. Перевозы на Аму-дерьѣ отдаются на откупъ ханами Мавераннегра, которымъ принадлежатъ самыя мѣста, и иныя приносятъ имъ по десяти тысячъ рублей въ годъ.

Отъ Кирки до самаго Чарджу, на пространствѣ слишкомъ двухсотъ верстъ нѣтъ нигдѣ постояннаго перевоза; хотя деревни находятся во многихъ мѣстахъ по обѣимъ сторонамъ рѣки. Городъ Чарджу, въ которомъ считается до пяти тысячъ жителей, лежитъ подъ меридіаномъ Бухары, въ восьмидесяти верстахъ отъ этого города, но на южномъ берегу Аму, — а не на сѣверномъ, какъ показываютъ на картахъ: со стороны Турана, насупротивъ Чарджу, находится только деревня Бетихъ, и то въ нѣсколькихъ верстахъ отъ берега. Черезъ этотъ городъ проходитъ большая торговая и военная дорога изъ Бухары въ Мервъ и Персію, и перевозъ Чарджуйскій—одинъ изъ важнѣйшихъ на Аму-дерьѣ. Ширина рѣки здѣсь уже значительно меньше, чѣмъ въ Ходжѣ - Салехъ: въ началѣ августа, послѣ наводненія, она не превосходитъ 278 сажень, а глубина корыта, взятая въ разныхъ мѣстахъ отъ сѣвера къ югу, представляетъ 18, 20, 29, 18, 12 футовъ. Въ Юнѣ, передъ наводненіемъ, и весною, во время дождей, глубочайшее мѣсто русла, такъ же какъ въ Ходжѣ-Салехъ, не болѣе 21 или 22 футовъ, то есть, трехъ сажень. Нѣсколько ниже Чарджу, Аму принимаетъ въ себя значительнѣйшую рѣку внутренняго Мавераннегра, Когекъ, или *Zerrr*-

фшань, то есть, «Золотоносную», которая протекает въ Самаркандъ и къ востоку отъ Бухары сливается съ Бухарскою рѣчкою. Прошедши маленькое болотное озеро, называемое «Чернымъ», *Кара-куль*, она впадаетъ въ Оксусъ, — и этому-то приливу новой массы воды обязанъ онъ поддержаніемъ своимъ въ дальнѣйшемъ пути противъ поглощающаго свойства песковъ и противъ силы испаренія въ знойной и сухой пустынь. Соединеніе съ Зерръ-эфшаномъ не расширяетъ однако жъ ея корыта, которое все суживается до самого Харезма (*Хивы*), гдѣ отводъ большаго количества воды въ каналы для орошенія полей еще болѣе истощаетъ ее. Между Чарджу и границею Харезма есть еще нѣсколько частныхъ перевозовъ, подобныхъ *Ходже-Салехскому*, которыми путешественники и небольшіе караваны прокрадываются отъ Туркменцевъ, поджидающихъ на большой дорогѣ; самый важный перевозъ — въ *Эльджижъ*, мѣстечкѣ, лежащемъ на сѣверномъ берегу верстахъ въ девяносто отъ Чарджу и отъ Бухары. Здѣсь грузятся товары, отправляемые изъ этой столицы въ *Хиву*.

Но зимою *Аму-дерья* представляетъ другія, простѣйшія удобства къ переправѣ. Она часто замерзаетъ, даже въ самомъ южномъ своемъ теченіи, подъ 37 градусомъ широты, и караваны тогда переходятъ по льду. Причину этого феномена должно искать въ особенности геологическаго положенія. Первая половина Оксуса, отъ истоковъ до устья въ него *Кундузской* рѣки, мелководная, наполненная бродами, течетъ по весьма возвышеннымъ почвамъ, и тамъ воды его замерзаютъ сплошь, отъ берега до берега, всякую зиму. Караваны, идущіе изъ *Балха* въ *Яркендъ*, переправляются въ *Бедехшанъ* обыкновенно по льду. Вторая половина, отъ *Хуллума* и *Балха* до *Арала*, стремится въ песчаной пустынь, а пески имѣютъ то свойство, что очень способствуютъ переходамъ температуры отъ

одной крайности въ другую. Путешествуя въ песчаныхъ пустыняхъ, можно часто замѣтить, что термометръ, показывающій все время 30° и 32° теплоты, Реом., по приближеніи къ небольшой возвышенности вдругъ спадаетъ до $+20$. Такія же измѣненія поразили вниманіе Г. Бернса и въ Туранскихъ пустыняхъ. Въ лѣтніе мѣсяцы температура песку бываетъ тамъ $+52$ Реомюра, температура воздуха $+50^{\circ}$ и $+32^{\circ}$, а между буграми и ночью только $+17^{\circ}$. Съ такою же легкостью, какъ накаливается днемъ и лѣтомъ, песокъ теряетъ тамъ ночью и зимою весь теплотворъ почвы, и поддерживаетъ холодъ или стужу. Приближаясь ночью отъ Балха, черезъ воздѣланныя земли, къ мертвой пустынь Оксуса, можно издали примѣтить чувствительное пониженіе температуры. Разница теплоты въ зимнее время еще разительнѣе, такъ, что когда на поляхъ Балха все еще зелено, въ смежной пустынь часто уже господствуетъ ужасная стужа. Въ песчаной части долины Оксуса морозъ иногда доходитъ до -16 градусовъ. Въ жестокою зиму 1833 года, рѣка эта подъ Килефомъ, насупротивъ Балха, почти вся покрылась ледяною корою: только на серединѣ оставался небольшой промежутокъ, промываемый быстрымъ теченіемъ; немного подалѣе къ сѣверо-западу, въ Кирки, она замерзла сплошь, а въ Чарджу караваны безопасно проходили по льду. Ни же города Хивы, гдѣ слабое теченіе и скудность водъ лишаютъ ее всякаго сопротивленія холоду, она оставливается ежегодно, какъ въ Бедехшанѣ. Ледъ бываетъ въ пять четвертей аршина толщиною. Замерзаніе происходитъ отъ сцѣпленія льдинъ, какъ на Невѣ, и Якуть очень подробно описываетъ состояніе Джейхуна зимою, удивляясь въ особенности тому, какъ песокъ пустыни несется волною по льду, который стоять иногда два мѣсяца. Но въ умѣренныя зимы, когда рѣка не замерзаетъ, переправа на паромахъ бы-

васть затруднительна, и даже опасна, отъ огромныхъ льдинъ, несущихся внизъ съ нагорной половины корыта, гдѣ не только самый Оксусъ, но и подаятельница его, рѣки, извергшіяся изъ снѣговъ и ледяныхъ массъ Булутъ-тага и Гинду-куша, всѣ вообще изобилюють этимъ матеріаломъ стужи.

Единообразіе береговъ Аму-дерьи, начиная отъ Килефа и Ходже-Салеха до самаго устья ея въ Араль, чрезвычайно упрощаетъ очеркъ остальной части долины, и мы окончимъ его въ нѣсколькихъ словахъ.

Со стороны Ирана, отъ Хуллума до самаго Каспійскаго Моря, тянется необозримая, безводная пустыня, усыпанная кудуками, или колодцами, въ которыхъ кочующій Туркменецъ или проѣзжіи путешественники находятъ иногда ведро горькой, негодной воды. Бѣлый, сыпучій песокъ течетъ съ вѣтромъ по поверхности земли, скопляется въ груды, или взвивается съ вихремъ на воздухъ. Все прозябаніе ограничивается рѣдкими кустами колючихъ широколистныхъ травъ, до половинны засыпанныхъ пескомъ, или вылезających изъ трещинъ обнаженной, твердой какъ камень глины. Такова именно часть пустыни между Балхомъ и Аму, и между Андху и Аму, гдѣ скитается нѣсколько Туркменскихъ улусовъ, готовыхъ всегда къ разбою, если имъ не угрожаетъ быстрое и жестокое мщеніе соседняго владѣтеля. Только въ четырехъ или трехъ верстахъ отъ рѣки начинается полоса воздѣланной земли, пересѣкаемая каналами во всѣхъ направленіяхъ, покрытая зеленою и украшенная купами деревьевъ. Берега Аму совершенно плоски, какъ у Нила, но въ известномъ отъ воды разстояніи, есть другіе берега, довольно высокіе, которые то удаляются на пять или шесть верстъ отъ рѣки, то примыкаютъ почти къ самому ея корыту, и такимъ образомъ сопровождаютъ страннику пустыни въ длинномъ ея путешествіи до Арала. Почти нѣтъ нужды упоминать, что два каменные вала,

известные подъ именами Ливійской и Аравійской цѣпи, провожаютъ такимъ же образомъ теченіе Нила въ безконечныхъ пескахъ Африки. Здѣсь-то, между краемъ воды и этимъ вторичнымъ берегомъ, заключается, какъ въ Египтъ, та лента зелени, о которой мы сказали. Тамъ, гдѣ она пошире, гдѣ вода, отведенная каналами, уже не смачиваетъ сама почвы, удаленной на пять, шесть или семь верстъ отъ русла Оксуса, — тамъ «Персидское колесо» подымаетъ ее на поверхность земли, разграфленной мелкими желобками, которые разносятъ влагу по пашнѣ. Во многихъ мѣстахъ этой части долины или совершенно нѣтъ жителей, или они не занимаютъ всей земли подъ пашни, и въ этихъ промежуткахъ, почва, почти всегда сырая поближе къ водѣ, добровольно покрывается зеленью, заростая дикимъ индиго, тамариксомъ и высокими болотными травами. Около Чарджу, гдѣ плодоносная полоса очень широка и совершенно ровна съ водою, края рѣки такъ густо заросли этими травами, что вода съ трудомъ просачивается сквозь нихъ въ каналы. Но, оставляя эту полосу, однимъ шагомъ переходите вы въ пустоту и безпредѣльность смерти, — страшную пустыню, — настоящій океанъ песку, мягкаго, однакожъ не топкаго. Отъ Кирки до Чарджу, Амоля, и далѣе до Хивинскаго Оазиса, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ втораго высокаго берега Аму, тлнется на Иранской сторонѣ полоса песчаныхъ бугровъ, имѣя въ ширину отъ двадцати до тридцати верстъ. Бугры эти состоятъ изъ мягкаго песку, накопленнаго вѣтромъ, возвышаются на твердомъ основаніи, и примѣчательны единообразіемъ своего строенія. Всѣ они имѣютъ отъ полуторы до трехъ сажень вышины и видъ подковы, которой круглая сторона обращена къ сѣверу, то есть, въ сторону, откуда дуетъ самый сильный и обычный вѣтеръ пустыни. Эта сѣверная сторона поката, между-тѣмъ какъ южная, выдолбленная полукружіемъ, всегда об-

рывиста. Когда подуетъ сильный вѣтеръ, тонкій песокъ, переносясь отъ одного бугра къ другому и вертясь столбомъ внутри полукружій, представляетъ совершенное подобіе движущейся воды, особенно при лучахъ солнца. Во многихъ мѣстахъ эта холмистая полоса несомнѣнно лишена прозябенія, и пустыня иногда превращается въ степь. За холмистою полосою всюду кочуютъ Туркменцы

На сѣверной сторонѣ рѣки, отъ Термиза, границы Гисарскаго владѣнія, или точнѣе, отъ Килефа до Киркійскаго перевоза и нѣсколько далѣе къ западу — пустыня, такая же какъ противъ Балха, ровная, безводная, унылая. Здѣсь кочуютъ Узбеки, и особенно славится своими разбоями одно ихъ поколѣніе, по имени Лакай, у котораго есть поговорка, выражающая проклятіе тѣмъ, кто умираетъ въ постели: истинный Лакаецъ долженъ найти себѣ смерть въ грабительскомъ набѣгѣ, — въ *чалу*. Женщины этого поколѣнія раздѣляютъ разбойничью славу съ мужчинами, и сами на свой счетъ грабятъ караваны, которые проходятъ ближе къ улусу. Эти Татарскія Амазонки, и еще два или три другія поколѣнія, которые здѣсь скитаются, тоже навязываются въ потомки воинамъ Александра Великаго. Къ западу отъ перевоза Кирки начинается полоса такихъ же бугровъ, какъ въ Иранской сторонѣ, и пролегаетъ, въ небольшомъ разстояніи отъ высокаго берега Аму, между Бухарою и Чарджуйскимъ перевозомъ, далѣе на западъ, къ Хивинскому Оазису, черезъ Туркменскія кочевья; но здѣсь эта полоса совершенно мертва, безъ малѣйшаго слѣда прозябенія. Отъ Чарджу берегъ рѣки нѣсколько оживляется слабою торговлею, которую этотъ городъ и Эльджикъ производятъ съ Хивою. Наконецъ Аму вступаетъ въ Хивицкій Оазисъ, гдѣ искуснѣйшее земледѣліе и богатое прозябеніе достойнѣе украшаютъ его долину, нежели какъ на всемъ пути его отъ Памирской Равни-

ны дэсель. Въ семидесяти верстахъ отъ Арала начинается его болотистая дельта.

Мы нѣсколько разъ упомянули о наводненіяхъ Оксуса. Эта рѣка подвержена періодическому возвышенію воды, какъ всѣ рѣки стекающія, съ исполнскихъ высотъ Памира, Булуть-тага и Гинду-куша. Талніе снѣговъ въ лѣтнее время достаточно объясняетъ это явленіе. Вода начинаетъ подыматься въ маѣ, и возвращается къ прежнему уровню въ октябрь. Въ началѣ іюля она достигаетъ своей высочайшей точки, и тогда бываетъ наводненіе: рѣка выступаетъ изъ корыта, и потомяетъ часть плодоносной полосы, заключенной въ высокнхъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ берегахъ. Дѣйствіе наводненія рѣдко заходитъ далѣе полуторы версты отъ черты корыта. Оно однако чрезвычайно усиливаетъ плодородіе всей полосы, потому что воды Аму всегда мутны, а во время своего возвышенія наполняются еще растворомъ глины, увлекаемой съ горъ потоками тающаго снѣга, и которая придаетъ имъ грязный, красноватый цвѣтъ. Г. Бернсъ убѣдился, что вода Аму содержитъ въ себѣ въ іюнь двѣ съ половиною сотыхъ этого илу, который, подобно Нильской тинѣ, осаждается на потопленную и на поливаемую изъ каналовъ почву. Этотъ-то грязный и унылый цвѣтъ струй Аму, особенно во время наводненія, подалъ Аравитянамъ поводъ къ прозванію рѣки Джейхуномъ: слова *джихень*, *джейханъ* и *джейхунъ*, три различныя формы одного и того же прилагательнаго, выражаютъ именно этотъ нездоровый, мутный цвѣтъ лица и воды, въ противность словамъ *сахень*, *сейханъ* и *сейхунъ*, которыя означаютъ видъ чистый, гладкій, пріятный, здоровый. Придавъ Аму-дерья, одной изъ двухъ главныхъ рѣкъ Мавераннег-ра, имя *джейхунъ*, другую, Сыръ-дерью, которой спокойное и чистое теченіе составляетъ нѣкоторую противоположность съ наружностью Оксуса, нарекли

они *сейхунъ*, въ духѣ любимой ихъ игры звукамъ. Не одиѣ эти рѣки получили отъ нихъ такія названія: Пирамъ и Кидиѣ, въ Киликіи, въ которыхъ они замѣтили подобное различіе качествъ, переименованы также и въ *Джейханъ* и *Сейханъ*. Тихія и прекрасныя воды рѣки, текущей подлѣ Басоры, снискали себѣ въ ихъ языкѣ названіе *Сахенъ*, однозначащее со словомъ *сейхунъ*, тогда какъ другіе, бурные потоки ихъ пустыней, не имѣютъ точнѣйшаго имени какъ *Джахенъ* или *Джейхунъ*. Присовокупимъ, что въ этихъ послѣднихъ словахъ, со значеніемъ тусклости и унылости цвѣта соединяется еще понятіе внутренняго безпокойства и волненія, и что свойства Аму вполне оправдываютъ смыслъ ихъ, во всѣхъ его оттѣнкахъ. Возвышеніе воды въ Оксусъ не слѣдуетъ правильной постепенности: она подымается сильнѣе при ясной погодѣ, и опускается подобно барометру отъ давленія сыраго и пасмурнаго воздуха. Температура ея въ іюнь мѣсяцъ, подъ вліяніемъ снѣговой воды, была + 24° Реом., при + 32° въ воздухѣ, по наблюденіямъ того же путешественника.

Весною, до этого періодическаго возвышенія водъ, бываетъ другое, менѣе сильное, отъ весеннихъ дождей. Оно не производитъ наводненія. Осенью, при сильныхъ дождяхъ, вода тоже подымается. Должно вообще замѣтить, что Аму поддерживается наиболѣе этими посторонними приливами; зимою, когда время ихъ прошло и рѣка покрылась льдомъ, воздухъ и песокъ похитили у нея уже столько влаги, что въ самомъ широкомъ мѣстѣ она не ширѣ 200 сажень; однако и тогда нигдѣ не представляетъ бродовъ во второй половинѣ своего теченія.

Въ десятомъ и одиннадцатомъ вѣкѣ былъ на берегахъ ея городъ, упоминаемый у нѣкоторыхъ писателей подъ именемъ *Джейхуна*, и многіе выводили названіе рѣки отъ его имени. Якутъ присовокупляетъ,

что нѣкоторые произносили его, по своему обычаю, *Джейджунь*.

Аму-рѣка судоходна на пространствѣ почти тысячи верстъ, отъ соединенія своего съ Кундузскимъ Акъ-сераемъ до самой дельты, въ Хивь, и могла бы имѣть большую политическую и коммерческую важность въ рукахъ Европейскаго государства, особенно Россіи. Теперь она не имѣетъ ни какой. Торговля и судоходство ея ничтожны, хотя, къ удивленію, суда ея лучше, нежели какъ можно было бы предполагать.

Они построены въ видѣ корабля съ двумя носами, изъ короткихъ бревень, обдѣланныхъ квадратно и спаянныхъ желѣзомъ, и хотя не красивы, но удивительно крѣпки и приспособлены къ плаванію по такой рѣкѣ. Дно у нихъ плоское, длина семь сажень, глубина почти два аршина; вверхъ тянуть ихъ бичевой, а вдоль по рѣкѣ обращаютъ бокомъ и пускаютъ по теченію. Эти барки поднимаютъ до двадцати тонновъ груза, и сто пятьдесятъ человекъ могли бы помѣститься на одномъ такомъ суднѣ въ случаѣ отправленія военной экспедиціи вверхъ или внизъ по Оксусу. Между тѣмъ, на всемъ пространствѣ его теченія нѣтъ и двухъ сотъ барокъ. Отъ устья Кундузской рѣки въ Аму, гдѣ онъ перестаетъ уже быть удобнымъ для брода, до Чарджу, есть около пятнадцати разныхъ перевозовъ, и на каждомъ — по двѣ барки; другихъ судовъ тамъ почти не видно. На пространствѣ между Бухарскою дорогою въ Персію, чрезъ Чарджу, и Хивою, ходитъ не болѣе ста пятидесяти судовъ, и здѣсь они служатъ уже не только паромами, но и къ перевозу товаровъ, которые грузятся въ Эльджинь. Плотовъ на Оксусъ не знаютъ.

Число судовъ чрезвычайно мало, но мѣстные средства представляютъ возможность сооруженія большой флотиліи. На берегахъ рѣки растеть множество разсыянныхъ деревъ, и отличной доброты, за которы-

ми не нужно бѣжать въ дальніе лѣса. Подъ прибрежными возвышеніями дно рѣки состоитъ изъ твердаго песчанаго грунта, и суда могутъ держаться на якорахъ во всѣхъ точкахъ корыта. Но для успѣха тѣхъ блестящихъ предположеній, которыми часто насъ дарятъ въ печати, касательно прямыхъ и удобныхъ сношеній нашей торговли съ Среднею Азіею, слѣдовало бы непременно обладать Живою, гнѣздомъ хищничества и разбоя, этимъ сухопутнымъ Алжиромъ, и соединить Аму съ Каспійскимъ Моремъ чугуною дорогою: тогда только рѣка сдѣлалась бы истинно важнымъ каналомъ политическихъ и коммерческихъ предпріятій, и привела бы нашу промышленность въ сопрیکосновеніе съ Хорасаномъ, Кабуломъ и Кандагаромъ. До этого еще далеко.

Дерево, которое сплавляется по Оксусу, большею частію шелковичное и бѣлая тополь. Гисарская область доставляетъ его въ большомъ количествѣ въ Чарджу, гдѣ оно употребляется при постройкѣ домовъ.

Рѣка изобилуетъ рыбою. Между прочими водятся порода какой-то огромной рыбы (вѣроятно, акула), которая вѣситъ отъ двѣнадцати до пятнадцати пудовъ: Узбеки употребляютъ ее въ пищу.

О. СЕНКОВСКІЙ.

=

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ,

СОСТАВЛЯЕМЫЙ

ИЗЪ

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И УЧЕНЫХЪ ТРУДОВЪ

К. И. Арсеньева. Е. А. Братынского. Барона Брамбуса. Ф. В. Булгарина. А. Ф. Воскова. Ф. Н. Глинки. П. Н. Греча. В. И. Гривгоровича. Д. В. Давыдова. Н. И. Давыдова. В. А. Жуковского. М. Н. Загоскина. И. Т. Калашникова. М. Т. Качеповскаго. И. В. Кирьевскаго. Казака Луганскаго. И. И. Козлова. И. А. Крылова. Н. В. Кукольника. М. Е. Лобанова. М. А. Максимовича. А. И. Максимовича. Марлинскаго. К. П. Масальскаго. А. И. Михайловскаго-Данилевскаго. А. С. Норова. Кн. В. Ф. Одоевскаго. А. И. Очкина. В. И. Панаева. П. А. Плетнева. М. П. Погодина. А. Ногортьельскаго. Н. А. Полскаго. А. С. Пушкина. С. Е. Раича. А. Г. Ротчева. Рудого-Панько. П. П. Свиньина. О. И. Сенковского. И. П. Скобелева. П. М. Снигирева. П. Г. Устрялова. В. А. Ушакова. Б. М. Федорова. Гр. Д. П. Хвостова. Кн. А. А. Шаховскаго. С. П. Шевырева. А. В. Шидловскаго. А. С. Шишкова. В. Н. Щастваго. Д. И. Языкова. Н. М. Языкова. П. Л. Яковлева. И. М. Ястребцева. Г. М. Яценкова, и другихъ.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА АЛЕКСАНДРА СМЕРДИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВДОВЫ ПЛЮШАРЬ СЪ СЫНОМЪ.

1834.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ.

=

**ПУТЕШЕСТВІЯ МУРАВЬЕВА, МЕЙЕНДОРФА, КОНОЛЛИ
И БОРНСА.**

=

Политическое и общественное состояніе Средней Азии, остававшееся въ небреженіи со временъ Марко-Поло и Рубрукиса, съ недавнихъ поръ обратило на себя то вниманіе, какого оно заслуживаетъ по своей важности. Распространеніе Россійскихъ владѣній съ одной стороны и Англійскихъ съ другой естественнымъ образомъ открыло новые виды для дѣятельности обѣихъ державъ, а превосходныя Гереновы изслѣдованія о большихъ путяхъ древней торговли пробудили и въ ученомъ и политическомъ свѣтѣ мысль о возможности открыть ихъ снова и оживить мертвую: о бездѣйственность тѣхъ странъ, гдѣ процвѣтали Вавилонъ, Тиръ, Бактрія и многочисленные города Греческіе. Два предмета подвергнуты были изысканіямъ и разбору: въ Россіи, съ жаромъ надежды на государственную пользу заговорили о способахъ учредить по сухому пути прямую торговлю между Астраханью и Индіею; въ Англии, съ горечью зависти къ нашимъ успѣхамъ стали разсматривать средства защиты Остъ-Индскихъ владѣній отъ вторженія тѣмъ же путемъ Русскаго штыка. Тогда какъ Баронъ Мейендорфъ, Французскій консулъ Гамба и здѣшняя Коммерческая Газета много писали въ пользу и противъ перваго вопроса, неотступное приближеніе побѣдоносной арміи, скачущей на верблюдахъ изъ глубины сѣвера къ берегамъ Гангеса, терзало безпрестанно воображенія Лондонскихъ журналистовъ и политиковъ: статьи за

статьями, книги за книгами появляются тамъ и по нынѣ, чтобъ доказать угрожающее бѣдствіе или явную невѣроятность подобнаго событія. Если бъ дѣло само по себѣ не было столь смѣшно, съ нашей стороны право стоило бъ оставить дальновидныхъ резонеровъ въ мучительной увѣренности, будто предположенія ихъ основательны, — хоть бы для того, чтобъ наказать ихъ за удивительное невѣдѣніе благородства и безкорыстія политики, которой Россія слѣдуетъ такъ неуклонно. Но мы всѣ знаемъ, что должно думать объ этой странной мечтѣ ихъ безпокойнаго недоброжелательства, и опровергать ее не нужно для нашихъ читателей, хотя появленіе въ свѣтъ Путешествія поручика Борнса подняло въ послѣдніе мѣсяцы цѣлую тучу перьевъ, которыя крѣпко настращали Англійскую публику мнимыми замыслами «Сѣвера,» или старались утѣшить ее доводами ихъ несбыточности. Скорѣе обратимся къ предмету болѣе миролюбивому и согласному съ истинными нашими пользами, — къ предмету возстановленія прямой торговли между Европою и Индіею черезъ Среднюю Азію, который остался нерѣшеннымъ послѣ долгихъ споровъ, происходившихъ въ послѣднемъ десятилѣтіи, и съ которымъ было связано путешествіе Барона Мейендорфа.

Чтобъ рѣшить вопросъ, до какой степени эта мысль можетъ почесться удобоисполнимою, должно обозрѣть земли, лежащія между Россіею и Индіею. Къ счастью, кромѣ сочиненій Муравьева и Мейендорфа, новѣйшія Конолли и Борнса * заключаютъ въ себѣ такіе обильные

* TRAVELS INTO BOKHARA, being an Account a journey from India to Cabool, Tartary and Persia, and of a voyage on the Indus. By Lieut. Alexander Burns. 1834. 3 vols.

JOURNEY TO THE NORTH OF INDIA overland from England. By Lieut Arthur Conolly, 1834. 2 vols. Изъ этого сочиненія мы уже сообщили въ осьмой книжкѣ Б. для Ч. охоту автора за геною въ Аѳганскихъ утусахъ.

запасы свѣдѣній, что разсмотрѣніе такого рода дѣлается теперь возможнымъ почти во всѣхъ отношеніяхъ, и мы намѣрены представить въ этой статьѣ краткій сводъ того, что по сіе время извѣстно Европѣ изъ Русскихъ и Англійскихъ путешественниковъ о нынѣшнемъ состояніи самой любопытной и самой недоступной части Азіи. Само собою разумѣется, что ни какіе въ свѣтъ торговые виды не заставятъ насъ забыть объ удовольствіи читателей: мы обставимъ наши доводы занимательнѣйшими чертами сочиненій, на которыхъ будемъ опирать наши разсужденія.

Сухопутная дорога отъ Астрахани до Хивы, если не совсѣмъ, такъ по-крайней мѣрѣ почти непроѣзжа: она большею частію идетъ черезъ голыя степи, а если кое-гдѣ выдастся клочекъ зелени, то онъ занятъ «сынами пустыни,» которые только и поджидаютъ путешественниковъ: это ихъ добыча. Кратчайшій и безопаснѣйшій путь представляетъ Каспійское Море, и его-то избралъ Муравьевъ, отправляясь въ 1819 году въ Хиву. Онъ вышелъ на берегъ въ Балканскомъ заливѣ, и, добывъ съ нѣкоторымъ затрудненіемъ верблюдовъ и лошадей, пустился въ дорогу по обнаженной степи, гдѣ не видно ни звѣря, ни птицы, ни зелени. Однако, видъ этой пустыни становился тѣмъ менѣе дикъ, чѣмъ ближе нашъ путешественникъ подъѣзжалъ къ Хивѣ, и наконецъ достигъ онъ богатаго и плодоноснаго края, орошаемаго рукавами Аму-дарьи (Оксуса) и другихъ меньшихъ рѣкъ.

По словамъ его, даже и въ Германіи не видалъ онъ полей, такъ тщательно обработанныхъ, какъ около столицъ Хивинскаго ханства. Всѣ дома окружены каналами, черезъ которые пролегаютъ легкіе мостики. Прекрасныя поляны усажены богатыми плодовыми деревьями. Кибитки и мазанки, разсѣяныя по этому прелестному краю, представляли ему одинъ

изъ пріятнѣйшихъ видовъ, какіе можетъ создать воображеніе. Онъ спросилъ своихъ вожатыхъ, принадлежавшихъ къ одному изъ степныхъ племенъ, почему они также не занимаются земледѣліемъ или почему не предпочитаютъ плодоносныхъ полей Хивинскихъ своей дикой пустынь? «Мы господа, отвѣчали они, а это работники; они боятся наибольшаго, а мы только Бога.»

Между-тѣмъ онъ имѣлъ часъ-отъ-часу болѣе причинъ къ опасенію, что предпринятое имъ путешествіе кончится неблагопріятнымъ для него образомъ. Вопросы его о разстояніяхъ мѣсть, о положеніи и глубинѣ родниковъ, и о томъ, въ какую пору лучше путешествовать, почитались несомнѣнными доказательствами, что онъ лазутчикъ, а безпрестанные рассказы Хивинцевъ о жестокостяхъ, которымъ подвергались Русскіе невольники, не обѣщали ему ничего добраго. Однако жъ, послѣ сороко-восми-дневнаго заточенія, онъ успѣлъ возвратиться въ Европу.

Если бъ этотъ оазисъ, говорить онъ, былъ подъ властію просвѣщеннаго правительства, онъ содѣлался бы средоточіемъ торговли между Средней Азіею и Европой. Онъ отправляетъ уже значительный торгъ съ Оренбургомъ караванами черезъ Киргизскія степи, и съ Астраханью караванами жъ, которые грузятъ товары на Русскія суда въ Балканскомъ заливѣ. Поэтому, Г. Муравьевъ считаетъ весьма важнымъ для Россіи пріобрѣтеніе этого края, и совершенно убѣжденъ, что такимъ образомъ получила бы она въ свои руки и торговлю съ Бухарою. Замѣтимъ, что на вопросъ его, далеко ли отъ Хивы до Бухары, одинъ Туркменецъ отвѣчалъ ему: «Семь дней пути для честнаго человѣка, а для вора три дня.»

Поручикъ Конолли называетъ предположеніе Г. Муравьева романическимъ, поставляя въ числѣ глав-

ныхъ препятствій къ исполненію его върломство Туркменцевъ и трудность сообщеній между Каспійскимъ Моремъ и Хивою, которое, по словамъ его, отъ жаровъ съ начала Іюня до половины Августа, почти совершенно прекращается.

Но союзъ съ какимъ-нибудь сильнымъ Туркменскимъ владѣтелемъ или даже съ Персіею не достаточно ли для того, чтобъ упрочить тамъ вліяніе Россіи, которое дастъ новую жизнь древнему благосостоянію Харезма? Что жъ касается до песковъ, лежащихъ между Хивою и Каспійскимъ Моремъ, то они носятъ явный слѣдъ прежней обработки, Г. Конолли самъ говоритъ намъ, что, при обыкновенномъ трудѣ, имъ легко возвратитъ плодоносіе.

Прежде чѣмъ разстанемся съ путешествіемъ Г. Муравьева, скажемъ нѣсколько словъ о древнемъ соединеніи Оксуса (Аму-дарья) съ Каспійскимъ Моремъ. Г. Муравьевъ не сомнѣвается въ прежнемъ существованіи такого соединенія, а поручикъ Борнсъ почитаетъ это болѣе нежели сомнительнымъ. Поручикъ Конолли хотя и видѣлъ русло большой изсякшей рѣки, однако жъ не отваживается утверждать, чтобъ это былъ именно рукавъ Оксуса. Легко быть можетъ, что Геродотъ говоритъ о теченіи этой рѣки въ Каспійское Море только потому, что ему не было извѣстно существованіе Аральскаго. Въ новѣйшія времена, потоки, простирающіеся изъ Харезма, или Хивы, въ степь, могли утвердить Абулгазія во мнѣніи, будто и Оксусъ текъ нѣкогда въ ту сторону. Свидѣтельство Абулгазія можетъ быть впрочемъ только выраженіе мѣстнаго повѣрья. Кажется, Гг. Муравьевъ и Конолли видѣли высохшія соляныя озера или рвы, промытые тающимъ снѣгомъ: по-крайней-мѣрѣ покатость этой части материка къ сѣверу противорѣчитъ древнему существованію такого сообщенія. Профессоръ Сенков-

скій, присоединившій къ путешествію Барона Мейендорфа, между прочимъ, переведенный съ Персидскаго свѣдѣнія о торговомъ пути изъ Семицалатинска въ Тибетъ, первый возсталъ противъ правдоподобія общепринятой сплетни, будто Оксусъ нѣкогда вливался въ Черное Море : онъ основывалъ разсужденіе свое особенно на томъ, что, по измѣренію полковника Берга, Каспійское Море кажется только 16-тью футами выше Чернаго, и что — по такой не значительной покатости, которой горизонтальная черта простирается на нѣсколько сотъ верстъ, ни какая рѣка течь не въ состояніи. Если измѣреніе полковника Берга вѣрно, то этотъ доводъ можно почесть неопровержимымъ, хотя Виленскій профессоръ, Г. Эйхвальдъ, посѣщавшій восточный берегъ Чернаго Моря, вполне убѣжденъ въ основательности показаній Геродота и Абулгази. Да если бъ предполагаемый рукавъ Оксуса и дѣйствительно отыскался, то едва-ли бъ можно было сделать его по-прежнему судоходнымъ, и потому отъ Чернаго Моря до нынѣшняго теченія рѣки въ Аралп товары могутъ итти не иначе, какъ караванами. Для перехода промежуточной степи потребно около десяти дней.

Перейдемъ къ путешествію Барона Мейендорфа изъ Оренбурга въ Бухару. Посольство, при которомъ онъ находился, провожалъ отрядъ изъ 200 казаковъ, 200 пѣшихъ солдатъ, 25 башкировъ и 2 пушекъ.

«Намъ угрожали безчисленныя опасности. Киргизы, которые вообще не любятъ, чтобъ Русскіе высматривали ихъ край, легко могли напасть на насъ ночью, и предположеніе это было не безъ основанія: въ 1805 году, не далеко отъ Сыръ-дарьи (древняго Яксарта) напали они на поручика Гавердовскаго: при упорнѣйшей оборонѣ едва спасся онъ самъ съ женою и лекаремъ, а три четверти бывшаго съ нимъ отряда осталось въ рукахъ кочевыхъ хищниковъ.»

Даже не дѣлая прямого нападенія, они могли захватить траву и кустарникъ, или украсть у нихъ лошадей на ночлегъ, или наконецъ, убивъ часовыхъ, ограбить путешественниковъ такъ, что они этого бы и не слышали. Подобно сѣверо-Американскимъ Индѣйцамъ, Киргизы въ полной мѣрѣ обладаютъ хитростью дикарей, которая часто побуждаетъ благоразуміе образованности. Договоромъ съ Киргизскимъ Султаномъ отвратили эту опасность, но надлежало еще ожидать нападенія Хивинцевъ, которые также преданы разбою и мастера дѣлать набѣги. Иногда пускаются они на грабежъ въ числѣ четырехъ или пяти тысячъ, и употребляютъ совсѣмъ не тѣ хитрости, какія Киргизы: рѣдко бываетъ, чтобъ предосторожность, полезная отъ одной орды, годилась и противъ другой. Одна изъ обыкновеннѣйшихъ уловокъ состоитъ у нихъ въ томъ, чтобъ напугать верблюдовъ въ караванъ дикими воплями, и напасть въ расплохъ, когда эти животныя разбѣгутся во всѣ стороны.

Несмотря на это хищничество, баронъ Мейендорфъ полагаетъ возможнымъ распространить спасительное вліяніе Россійскаго правительства на степныя племена, кочующія отъ береговъ Волги до Сыръ-даріи, и обезпечить свободный ходъ Индѣйскихъ каравановъ черезъ ихъ степи; но нѣтъ сомнѣній, что перемѣна во нравахъ какого бы то ни было народа требуетъ сильнаго, постояннаго и долговременнаго труда образованнѣйшихъ сосѣдей. Вотъ еще нѣсколько подробностей о Киргизахъ.

«Грабежъ и скотоводство кажутся имъ легчайшими способами существованія, нежели воздѣлываніе почвы, вообще довольно неблагоприятной. Они больше всего на свѣтъ боются осѣдлости и полагаютъ свое счастье въ томъ, чтобъ почитать себя «вольными какъ птицы», — сравненіе, употребляемое ими всегда, когда говорятъ они о кочевой своей

жизни. Теперь легко себя представить, отъ чего Киргизы, развъ только въ крайности, дѣлаются землепашцами, не говоря о томъ, что у нихъ есть древнее и часто повторяемое преданіе, которое гласить, что Киргизы утратятъ свою вольность, какъ скоро поселятся въ дома и примутся за земледѣліе.»

Не у нихъ однихъ закоренѣлыя понятія облекаются въ форму пророчества: Японцамъ предсказано тоже самое, если они откроютъ свои пристани для Европейской торговли. Впрочемъ у нихъ въ глазахъ живые примѣры по берегамъ Индѣйскаго океана. Константинопольскіе Турки и Греки имѣютъ такія же пророчества о близкомъ паденіи Стамбула, и вѣруютъ въ нихъ отъ всей души.

«Киргизы часто проводятъ цѣлую половину ночи, сидя на камнѣ, смотря на мѣсяцъ, и напавшая унылыя пѣсни на еще печальнѣйшіе голоса. У нихъ есть историческія баллады, напоминающія подвиги ихъ героевъ; но поэмы такого рода поются только записными пѣвцами: я очень сожалею, что не слыхалъ ихъ. Я часто говаривалъ Киргизамъ, что мнѣ хотѣлось бы послушать ихъ народныхъ пѣсень; но они пѣли только наскоро сложенные привѣтствія, почти не стоющія вниманія; однако нѣсколько отрывковъ осталось у меня въ памяти. Одинъ Киргизскій бегъ, человекъ богатый, не безъ вкуса и дарованія, и притомъ глава многочисленнаго семейства, спѣлъ мнѣ однажды слѣдующій экспромтъ: — «Ты хочешь, чтобъ я спѣлъ тебѣ пѣсно. Изволь, я скажу тебѣ, что честный бегъ, хоть и бѣдный человекъ, выше коварнаго хана.» Эти слова совершенно выражали его чувства, потому что онъ былъ отъявленнымъ врагомъ хана Киргизскаго. Разъ молодой Киргизъ затянулъ слѣдующую пѣсню, сложенную молодою дѣвушкой: «Видишь ты этотъ снѣгъ? — а кожа у меня бѣлье! Видишь, какъ кровь убитой овцы алзеть на снѣгу? — а щеки-то у меня румяныя. Поѣзжай черезъ гору, и увидишь обгорѣлый пень, — а волосы у меня черныя его! У султана въ палатѣ сидятъ мурлы и пишутъ безъ усталы; — а брови у меня темныя иль

чернилъ!» Вотъ образчикъ понятій Киргиза, сына степи, который, за исключеніемъ религіи (магометанской), ничего не заимствовалъ у другихъ народовъ. Непокоримый, воинственный, дикій, онъ одинъ на конѣ своемъ пускается въ средину степи, и проѣзжаетъ пять или шесть сотъ верстъ съ удивительной быстротою, чтобъ повидаться съ родственникомъ или пріятелемъ въ другой ортъ. Дорогой, останавливается онъ почти у каждаго аула, рассказываетъ новости и, увѣренный въ хорошемъ пріемѣ, знакомъ ли онъ или незнакомъ съ хозяевами, садится за ихъ трапезу. Пища состоитъ обыкновенно изъ крута, или сыру, который и видомъ, и вкусомъ похожъ на киршичь; гайрану, или слегка свернушагося овечьяго молока; мяса и курниъ, или творожниковъ изъ кобыльаго молока, которые считаются у нихъ за большое лакомство. Онъ никогда не забудетъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ проѣзжалъ однажды, и черезъ нѣсколько дней, обогащенный новыми разказами, возвращается тѣмъ же слѣдомъ домой отдыхать съ женою и дѣтьми. Жены — его главная и иногда единственная прислуга: онъ готовитъ пищу, шьютъ шатъе, осѣдлываютъ лошадей, а онъ, въ непоколебимой безопасности, ограничиваетъ заботы свои тѣмъ, что преспокойно стережетъ стада. Я самъ видѣлъ, какъ братъ Султана, чрезвычайно уважаемый Киргизами, пасъ овецъ своихъ: на лошади и въ курткѣ изъ краснаго сукна, скитался онъ за ними недѣли двѣ, отнюдь не думая уронить тѣмъ свое достоинство.»

Но намъ столько предстоитъ предметовъ, что мы должны скорѣе разстаться съ Киргизами, живущими, такъ сказать, у воротъ Средней Азіи, и отослать тѣхъ, которые пожелаютъ узнать ихъ получше, къ прекрасному «Описанію Киргизъ-Кайсацкихъ степей» Г. Левшина. Посольство было принято Бухарскимъ ханомъ съ величайшею благосклонностью. Отдавая полную справедливость блистательному изображенію ханской столицы, начертанному Барономъ Мейендорфомъ, мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи ознакомить читателей съ новѣйшими по-

дробностями, сообщаемыми объ этомъ городѣ Борнсомъ, тѣмъ болѣе, что онъ гораздо свѣжѣе.

«По прїѣздѣ въ Бухару, говоритъ онъ, мы прежде всего принялись за свои наряды, соображаясь во всемъ съ обыкновеніями, какія предписываются законами этого края. Вместо чалмы надѣли мы косматыя овчинныя шапки, мѣхомъ внизъ, а *кемербенды*, или кушаки, замѣнили грубыми веревками или тесьмами. Мы сняли верхнее платье и чулки, потому что во «святомъ градѣ» Бухарѣ они служатъ отличіемъ между невѣрными и вѣрующими. Намъ сказали еще, что, въ стѣнахъ ея, никто, кромѣ магометанина, не можетъ ѣздить верхомъ, и какое-то внутреннее чувство убѣждало насъ соглашаться на всѣ эти пожертвованія, лишь бы дозволили намъ пожить въ столицѣ. Стихи, описывающіе Самаркандъ земнымъ раемъ, именуютъ Бухару «крѣпостью вѣры Ислама»: при безсильномъ невѣрїи могла ли намъ прїйти охота испытывать терпѣніе людей, по крайней мѣрѣ смотрѣвшихъ такими святошами?»

«При вѣздѣ въ городъ насъ даже и не обыскали; но, послѣ объѣда, чиновникъ потребовалъ насъ къ визирю. Товарищъ мой, докторъ Джерардъ, все еще страдалъ лихорадкою, и потому не могъ мнѣ сопутствовать: я пошелъ одинъ въ *аркъ*, или дворецъ, гдѣ министръ жилъ вмѣстѣ съ царемъ, и не могъ надивиться тому, что видѣлъ передъ собою, идучи версты три улицами Бухары до цитадели. Меня тотчасъ ввели къ визирю, или такъ называемому *Кушбеги*, «сокольникему», человѣку преклонныхъ лѣтъ и пользующемуся большою властію. Онъ сидѣлъ въ маленькой комнаткѣ, передъ которою былъ особенный дворъ, и тутъ-то онъ пригласилъ меня сѣсть на помостъ; впрочемъ былъ такъ ласковъ и снисходителенъ, что это меня успокоило. Я поднесъ серебряные часы и кашемировый парядъ, для этого нарочно мною привезенные; но онъ отъ всего отказывался, называя себя рабомъ хана. Потомъ, часа два распрашивалъ онъ о моихъ дѣлахъ и о томъ, что привело меня въ такую дальнюю сторону. Я рассказалъ ему обычную повѣсть о возвратномъ путешествїи нашемъ на родину и предъявлялъ паспортъ, выданный отъ Остъ-Индскаго гене-

раль-губернатора, министр прочел его съ особеннымъ вниманіемъ. Послѣ этого я говорилъ ему о знаменитости Бухарь у восточныхъ народовъ, и о томъ, что желаніе ее видѣть преимущественно влекло меня въ Туркистанъ. «А какого вы званія?» спросилъ министр. Я сказался офицеромъ Остѣ-Индской арміи. На вопросы его о нашей кладѣ, я считалъ нужнымъ отвѣчать, что у меня есть секстантъ, полагая, что насъ стануть обыскивать, и что лучше предупредить печальное открытіе. Я сказалъ ему тоже, что люблю наблюдать звѣзды и другія небесныя тѣла, потому что это весьма привлекательное занятіе. Визирь обратилъ особенное вниманіе на слова мои, и просилъ довольно настоятельно, хотя смиреннымъ голосомъ, чтобъ я сказалъ ему, когда будетъ благоприятное соединеніе планетъ, и какую цѣну на нѣтъ предзнаменуетъ оно въ слѣдующемъ году. Когда я сталъ говорить, что наши астрономическія знанія не такого рода, онъ обнаружилъ чувство недоумѣнія; но вообще казался нами доволенъ, и общалъ мнѣ свое покровительство. Онъ говорилъ, что пока мы въ Бухарь, ему нельзя дозволить намъ употребленія пера и чернилъ, потому что это могутъ представить царю съ дурной стороны и тѣмъ повредить намъ.

«Черезъ два дня послѣ этого свиданія, я опять позванъ былъ къ визирю, и нашелъ его окруженнымъ множествомъ почтенныхъ особъ, которымъ ему какъ-будто хотѣлось показать меня. Мнѣ дѣлали такіе распросы, которые заставили меня думать, что насъ все еще въ чемъ-то подозрѣваютъ; но визирь примолвилъ въ шутку: «Вы вѣрно ужъ написали что-нибудь о Бухарь?» Такъ какъ я въ первый разъ сказалъ ему всю правду, то не боялся теперъ спугаться, и смѣло объявилъ этимъ господамъ, что пріѣхалъ посмотрѣть на чудеса Бухары, и что, по благосклонности визиря, уже ходилъ по городу и видѣлъ даже сады за стѣнами. Когда я воротился домой, мнѣ пришло въ голову, что любопытному визирю вѣрно понравится патентованный компасъ со стеклами, винтами и рефлекторами; но могло быть и то, что владѣтель такого многосложнаго механизма покажется ему не въ весьма благоприятномъ свѣтѣ. Однако жъ я отправился съ инструментомъ въ карманъ, и скоро очутился

въ его присутствіи. Я сказалъ, что у него есть любопытная вещь, которая, думаю, ему понравится, и вынулъ компасъ, совершенно новый и прекраснѣйшей работы. Я описывалъ его пользу и выставлялъ красоту отливки до тѣхъ поръ, что визирь какъ будто ужъ и забылъ, «что онъ только рабъ хана и принять ничего не можетъ»: онъ началъ условливаться о цѣнѣ, но я прервалъ его увѣреніями, что привезъ инструментъ изъ Индостана именно ему въ подарокъ, потому что слышанъ объ усердіи его къ вѣрѣ, а съ помощію компаса онъ всегда угадаетъ, для исправности своихъ молитвъ, въ которой сторонѣ лежатъ Мекка, и даже исправить по немъ въ главной мечети, которую строятъ теперь въ Бухарѣ, *киблу*, или нишъ, показывающій направленіе Меккскаго храма: я жъ потому не могу принять отъ него ни какого вознагражденія, что онъ уже съ лихвою отплатилъ намъ своимъ покровительствомъ. Купшбеги схватилъ компасъ съ торопливостію ребенка, который боится, чтобъ у него не отняли новой игрушки, и сказалъ, что повезетъ его прямо къ Его Ханскому Благополучію, и опишетъ дивную хитрость нашего народа.

«По вечерамъ я обыкновенно бывалъ въ Бухарскомъ *регистанѣ*, то есть, на обширной площади передъ дворцомъ. Съ двухъ другихъ сторонъ ограждаютъ ее тяжелыя здания *медресе*, или семинарій, а съ четвертой устроены водометы, оsteenный высокими деревьями, гдѣ праздные и въстощики собираются около Азіятскихъ и Европейскихъ товаровъ, выставленныхъ на продажу. Пріѣзжему стоитъ только посидѣть на лавкѣ регистана, чтобъ узнать и Узбековъ, и Бухарцевъ. Тутъ онъ можетъ наговориться съ уроженцами Персіи, Турціи, Россіи, Татаріи, Китая, Индіи и Кабула. Онъ увидитъ Туркменцевъ, Калмыковъ, Киргизовъ, которые сошлись изъ окрестныхъ степей, и, вмѣстѣ съ ними, жителей странъ плодоноснѣйшихъ. Онъ сравнитъ въжливость подданныхъ «Великаго Царя» — такъ именуется Бухарскій ханъ, — съ грубымъ обращеніемъ скитающагося въ пустынь Турка. Онъ увидитъ Узбековъ изъ всѣхъ ханствъ Мавераннегра: и на лицѣ ихъ прочтетъ перемены, приключаемыя временемъ и мѣстомъ въ каждой породѣ че-

ловъческой. Въ Узбекъ Бухарскомъ едва можно признать Турка или Татарина, -- такъ перемѣшался онъ съ Персидскою кровью! Уроженцы соседственной Кокани меньше измѣнились, а сосѣди Ургенджа, столицы древняго Харезма, или нынѣшніе Хивинцы, сохранили въ чертахъ своихъ какую-то особенную рѣзкость. Ихъ можно различить отъ всѣхъ другихъ по темнымъ овчиннымъ шапкамъ, *кальпакъ*, вмѣющимъ около фута въ вышину. Русая борода, стрые глаза и блое лице останавливаютъ иногда вниманіе чужестранца: это Русскій, лишенный отечества и свободы, и бѣдствующій здѣсь въ тяжелой неволѣ. Тамъ-и-сямъ попадетса Китаецъ въ такомъ же несчастномъ положеніи: длинная коса его острижена, и вѣничикъ спрятанъ подъ чалму, потому что онъ играетъ здѣсь роль магометанина. А вотъ Индѣецъ въ нарядѣ, чуждомъ и ему и его отечеству. Маленькая четырехугольная шапочка, и веревка, вмѣсто пояса, отлѣчаютъ его отъ магометанъ, и, -- какъ скажутъ вамъ сами мослемины, -- предостерегаютъ отъ оскверненія установленныхъ привѣтствій употребленіемъ ихъ въ разговорѣ съ идолопоклонникомъ. Кромѣ этихъ отличій, Индѣецъ можно узнать по его угрюмому взгляду и по всегдашнему старанію избѣгать сообщенія съ толпою. Онъ водится съ весьма немногими людьми, въ одинаковыхъ съ нимъ обстоятельствахъ. Жидъ такое же замѣтное существо, какъ и Индѣецъ, только онъ одѣтъ нѣсколько иначе и носитъ коническую шапку. Но главнѣйшее его отличіе, это всѣмъ извѣстныя черты Еврейскаго народа. Въ Бухарѣ, Жиды прекрасной породы, и мнѣ случилось видѣть не одну Ревекку въ мнѣхъ странствіяхъ. Выраженіе лица ихъ много выигрываетъ отъ прекрасныхъ кудрей, вьющихся по щекамъ и по шеѣ. Въ Бухарѣ до 4000 Жидовъ, выходцевъ изъ Мешгеда, въ Персія, и главнѣйшее занятіе ихъ состоитъ въ крашеніи суконъ. Съ ними здѣсь такъ же обходятся, какъ съ Индѣйцами. Заѣзжій Армянинъ, опять въ другомъ нарядѣ, представляетъ свой скитающійся народъ; однако жъ земляковъ его здѣсь очень мало. За этими исключеніями, чужестранецъ видитъ на базарахъ статную, красивую и хорошо одѣтую массу народа, -- Туркистанскихъ магометанъ. Большая бѣлая чалма и темноцвѣтная «чога», или шуба, подѣ

которою еще три или четыре таких же, составляютъ обыкновенную одежду; но регистанъ, у самаго дворца, а Узбеки любятъ являться передъ царемъ своимъ въ пестромъ шелковомъ платьѣ, называемомъ *эдресъ*: оно самыхъ яркихъ цвѣтовъ, и показалось бы нестерпимо всякому, кромѣ Узбека. Нѣкоторыя высшія особы одѣваются въ парчу, и тѣ, которыя близки къ государю, въѣзжаютъ въ ограду, а прочія слѣзаютъ съ лошадей у воротъ. Почти всѣ являющіяся къ хану въ сопровожденіи невольника, и хотя эти люди по большей части Персіяне или ихъ потомки, но у нихъ совсѣмъ особенная наружность. Дѣйствительно, говорятъ, что три четверги Бухарскаго населенія происходятъ отъ невольничковъ; потому что рѣдкому пѣвнику, приведенному изъ Персіи, позволяютъ возвратиться на родину, а многіе изъ нихъ даже и сами этого не желаютъ. Большую часть Бухарцевъ видишь верхомъ, но на конѣ ли, или пѣшіе, они всегда въ сапогахъ, и притомъ съ такими высокими и острыми каблуками, что мнѣ трудно было не только ходить, но и стоять на нихъ. Она вершка въ полтора вышиною, а въ верхушкѣ пѣтъ и третя вершка поперечнику. Это народная обувь Узбековъ. У иныхъ знатныхъ людей поверхъ сапоговъ башмаки, которые при входѣ въ комнату снимаются. Не забыть было мнѣ барынь въ этомъ общемъ переборѣ всего народонаселенія: онѣ обыкновенно являются верхомъ, и притомъ сидя по-мужски; очень непогѣя ходить прогуливаться, и всѣ подъ черными волосяными покрывалами. Сквозь нихъ такъ трудно смотреть, что бѣдняжки вглядываются въ васъ какъ въ маскарадъ. Только, Бога ради, не говорите съ ними, а если идетъ мимо васъ затворница царскаго гарема, вамъ даже посовѣтуютъ отвернуться, а не послушаетесь совѣта, такъ ударъ въ голову будетъ достойнымъ наказаніемъ. Такъ священны красавицы «священной» Бухары!

«Быть-можетъ, читатель имѣетъ теперь нѣкоторое понятіе о наружности ея жителей. Съ утра до ночи стоитъ шумный гулъ надъ толною, и невольно изумляешься, видя эту массу движущихся людей. Посреди площади продаются разные плоды подъ навѣсомъ изъ четырехугольной рогож-

ки, утвержденной на одномъ шестѣ. Удивительна неутомимость продавцевъ безпрестанно раздающихъ виноградъ, дыни, алычи, яблоки, персики, груши, сливы непрерывной чередѣ покупателей. Съ трудомъ протолкнешься въ улицахъ; того и гляди, что задавить лошадь или осель. Ослы здѣсь прекрасные, и бѣгутъ славной рысью съ сѣдоками и ношами. Легкія повозочки скачутъ вверхъ и внизъ, кромѣ тѣхъ улицъ, которыя слишкомъ тѣсны для ѣзды на колесахъ. На базарахъ вездѣ есть люди, разливающіе чай, который дѣлается въ большихъ Европейскихъ самоварахъ, а не въ чайникахъ, и нагрѣвается металлической трубою. Я думаю, никто такъ не любитъ чаю, какъ Бухарцы: они пьютъ его вездѣ и во всякое время, съ сахаромъ и безъ сахара, со сливками и безъ сливокъ, съ саломъ, съ солью, со всѣмъ въ мірѣ. Рядомъ съ продавцами этого горячаго напитка можете вы купить *рахвет-и-джань* «отраду души» — виноградное желѣ, или сиропъ, взбитый со льдомъ. Обиліе льду есть одно изъ величайшихъ наслажденій въ Бухарѣ: его всегда можно имѣть до тѣхъ самыхъ поръ, пока съ наступленіемъ холодной погоды проходитъ въ немъ надобность. Имъ запасаются зимою, и продаютъ его по самой сходной цѣнѣ. Въ Бухарѣ ни одинъ человекъ не станетъ пить воды безо льду; и мужикъ покупаетъ его, жалуясь на крайнюю бѣдность, и нищій проситъ милостыни у прохожаго «на ледъ». Прохладительно даже видѣть огромныя его кучи при 90 градусахъ Фаренгейтова термометра. Безконечно было бы описывать все сословіе торговцевъ; довольно сказать, что почти нѣтъ вещи, которой бы нельзя было купить въ регистанѣ: тутъ найдете галантерейныя и стальныя издѣлія Европы, хоть, правду сказать, довольно грубыя; найдете и Китайскій чай, и Индѣйскій сахаръ, и Манильскія пряныя зелія, и прочая, и прочая. Можно приумножить запасъ своихъ Турецкихъ и Персидскихъ знаній въ книжныхъ лавкахъ, гдѣ ученые и желающіе казаться учеными корпятъ надъ пестрыми страницами. Уходя вечеромъ изъ этой шумной толпы въ отдаленнѣйшія части города, пробираешься подъ сводами опустѣлыхъ базаровъ, мимо мечетей, увѣчаныхъ прекрасными куполами, и отдѣланныхъ съ тѣмъ простымъ великолѣпіемъ, какое допус-

каютъ въ этомъ случаѣ магометане. Послѣ базарныхъ часовъ, къ нимъ толпится народъ на вечернюю молитву. У дверей семинарій, которыя обыкновенно пасупротивъ мечетей, вы видите учениковъ, наслаждающихся праздностью послѣ дневнаго труда; однако жъ они не такъ веселы и молоды, какъ студенты Европейскихъ университетовъ: напротивъ, многіе изъ нихъ угрюмые старики; въ нихъ больше лицемѣрія, но отнюдь не меньше порока, чѣмъ въ юношахъ другихъ странъ свѣта. Съ сумерками оканчивается вся хлопотня; бьетъ царскій бубень, *накара*, за нимъ раздаются и другіе во всѣхъ частяхъ города, и въ известный часъ ужъ никому не дозволяется выходить безъ фонаря. Отъ этихъ распоряженій, полиція въ городѣ превосходная. Во всѣхъ улицахъ безопасно оставляются на ночь огромныя кипы сукна. Все безмолвствуетъ до утра, когда шумъ опять начинается въ регистанѣ. День встрѣчаютъ тѣмъ же жраньемъ и чайничаньемъ; сотни мальчишекъ и ослятъ, нагруженныхъ молокомъ, спѣшатъ къ суетливой толпѣ. Молоко продается въ чашечкахъ съ устоемъ сливокъ наверху: мальчикъ приносить ихъ на рынокъ двадцать или тридцать на палочкахъ, висящихъ у него на палкѣ за плечомъ. Сколько бы ни нанесли молока, его тотчасъ расхватываетъ чаелюбивое населеніе этого обширнаго города.

«Я воспользовался первымъ случаемъ, чтобъ видѣть невольничій базаръ, бывающій здѣсь каждую Субботу по утрамъ. Узбеки всѣ дѣла свои отправляютъ черезъ невольниковъ, которые преимущественно вывозятся Туркменами изъ Персіи. Здѣсь выставляютъ этихъ бѣдняковъ на продажу; подъ нихъ занято тридцать или сорокъ подмоштковъ, гдѣ ихъ осматриваютъ какъ рогатый скотъ, съ тою только разницей, что они могутъ давать о себѣ отчетъ устно, — чего рогатые скоты не дѣлаютъ. Утромъ я пошелъ на базаръ; тамъ было только шесть невольниковъ, и я видѣлъ, какъ ихъ продаютъ. Во-первыхъ спрашиваютъ относительно родства и обстоятельствъ плѣна; также, магометане ли они, то есть, *сунни*. Вопросъ предлагается такимъ образомъ потому, что Узбеки не почитаютъ *шии*, послѣдователя Алиева, за правовѣрнаго: для нихъ, какъ для

Иезуитовъ, раскольникъ несправедливѣе иновѣрца. Если торгующій удовлетворится тѣмъ, что невольникъ — *каджиръ*, то есть, нечерный, онъ осматриваетъ его тѣло, особенно прищипывая, нѣтъ ли на немъ проказы, столь обыкновенной въ Туркистанѣ, и потомъ уже начинаетъ условливаться съ продавцемъ о цѣнѣ. Трое Персидскихъ мальчиковъ продавались по тридцати *тилла* золотомъ каждый, что составляетъ 200 рупій, или 500 рублей: удивительно, что эти несчастные казались еще довольны своимъ жребіемъ!

«Съ невольничьяго рынка я въ то же утро пошелъ на большой базаръ, и первое зрѣлище, представившееся глазамъ моимъ, были нарушители магометанской Пятницы: четверо взрослыхъ, найденныхъ спящими въ часъ молитвы и одинъ юноша, который осмѣлился курить всепародно. Всѣ они были привязаны другъ къ другу, и преступный табачникъ открывалъ шестіе съ камьяномъ въ рукѣ. Полицейскій приставъ шелъ за ними съ претолстымъ ремнемъ, и хлесталъ ихъ, крича громко: «Послѣдователи Ислама смотрите, какъ наказывається тотъ, кто нарушаетъ законъ!» Между-тѣмъ, въ цѣломъ мірѣ нѣтъ нелѣпѣе того противорѣчія, какое существуетъ между практикою и теоріею вѣры въ Бухарѣ. Вы можете явно покупать табакъ и всѣ лучшія курительныя принадлежности, а если увидятъ, что вы курите при всѣхъ, васъ тотчасъ потащатъ къ *кази*, судѣ, выскуютъ, или заставятъ, съ выпачканнымъ сажею лицомъ, развѣзжать на ослѣ по городу. Кто въ Пятницу гоняетъ голубей, того возятъ на верблюдѣ, привязавъ мертвую птичку къ шеѣ виновнаго.

«Я забылъ сказать, что Бухарскія барыни красятъ себѣ зубы какъ можно чернѣе, и, отращивая волосы, распускаютъ ихъ въ косахъ по плечамъ. Одежда ихъ похожа на мужскую; онѣ носятъ такія же шубы, только рукава не надѣваются, а связываются назадъ. Даже дома ходятъ онѣ въ огромныхъ бархатныхъ сапогахъ, тщательно изукрашенныхъ.»

Эти живописныя и любопытныя подробности, взятые изъ разныхъ мѣстъ книги, кромѣ удовольствія,

могутъ еще служить достаточнымъ доказательствомъ, что Бухара — теперь главный рынокъ Средне-Азійской торговли, и что если бь открылось постоянное и безопасное сообщеніе между этой страной и однимъ изъ Европейскихъ государствъ, — разумется Россією, — оно было бь чрезвычайно выгодно для обоихъ. Изъ Россіи есть еще третій путь въ Бухару, по которому ѣздятъ теперь Персидскіе купцы, именно черезъ Хорасанъ, куда легко проникнуть изъ Астрабада. Но этотъ путь служитъ только за-Кавказскому краю, да и тутъ, между Хорасаномъ и Бухарою должно опасаться хищничества Туркменцевъ и безводности обширныхъ степей. О послѣдней поручикъ Борнсъ говоритъ слѣдующее:

«Мы и прежде слыхали о пустыняхъ къ югу отъ Оксуса (Аму-дарьи), а теперь могли судить объ нихъ какъ самовидцы. Передъ нами бѣлѣлись на солнцѣ оставы верблюдовъ и лошадей, падшихъ отъ жажды. Дороги или тропинки здѣсь таковы, что онѣ весьма легко забываются, а стоитъ лишь разъ сбиться съ дороги, и человекъ и животное, оба погибаютъ. Именно, такое обстоятельство случилось за нѣсколько дней передъ выѣздомъ нашимъ изъ Чарджуй. Три человека, отправившись изъ Хивинскаго станова, заблудились, и издержали всю свою воду. Объ нихъ лошади пали отъ томительной жажды, и несчастные, отворивъ кровь остававшемуся въ живыхъ верблюду, питались ею, и такимъ образомъ достигли до Чарджуй, а верблюдъ ихъ издохъ на дорогѣ. Такіе случаи бываютъ часто. Хивинскій ханъ въ послѣднемъ походѣ своемъ лишился болѣе двухъ тысячъ верблюдовъ, навьюченныхъ водою и съестными припасами для его войска. Дорогою, онъ рылъ колодези, но воды показывалось очень мало. Верблюды очень терпѣливо сносятъ жажду, однако жъ довольно пошлая ошибка, полагать, что они могутъ долго прожить безъ воды. Они обыкновенно начинаютъ страдать и умираютъ въ четвертый день, а если очень жарко, такъ и прежде.»

Любимое предположеніе о возможности поворотить Аму-дарью изъ Арала въ Черное Морс, чтобъ тѣмъ открыть водяную коммуникацію изъ Астрахани во внутренность Азіи, кажется намъ мечтою, которой ни какой Дарій, ни Артаксерксъ не могъ бы привести въ исполненіе. Съ этой стороны судоходный путь навсегда потерянь, и приведенныя нами свѣдѣнія о характерѣ поколѣній, обитающихъ въ той части степи, не дозволяютъ даже надѣяться на удобную караванную торговлю. Остается обыкновенная дорога, — отъ Оренбурга черезъ Бухару.

Если постоянное торговое сообщеніе между Россіею и Бухарою могло бѣ быть источникомъ важныхъ выгодъ, то конечно кругъ нашей дѣятельности въ той сторонѣ получилъ бы еще пространнѣйшій объемъ съ открытіемъ удобнаго пути изъ Бухары въ Индію, а возможность такого событія легко доказать теперь простымъ соображеніемъ мѣстностей. По Аму-дарьѣ товары могутъ итти вверхъ до Кундуза; отсюда дорѣки Кабула волокомъ, и потомъ внизъ по Кабулу до города Аттока, гдѣ эта рѣка впадаетъ въ Индъ.

Главное возраженіе, противопоставляемое открытію этого пути, заключается въ томъ, что товары, привозимые прямо изъ Индіи въ Россію, можетъ быть, обойдутся не дешевле тѣхъ, которые проходятъ вокругъ Мыса Доброй Надежды. Это еще не доказано. Но положимъ, что оно такъ: не должно жъ забывать, и того что цѣны въ разныхъ областяхъ столь обширнаго государства не одинаковы! Есть мѣста, гдѣ сбытъ прошедшихъ черезъ всю Азію предметовъ приносилъ бы еще значительную прибыль торговцу; притомъ же, это дѣло надобно предоставить купцамъ, они всегда найдутъ средства выиграть на товарѣ, тѣмъ болѣе, что могутъ заплатить за него произведеніями, не имѣющими въ тѣхъ мѣстахъ почти ни какой цѣнности.

Вывозная торговля заслуживаетъ также быть принята въ соображеніе въ этомъ случаѣ; и вообще всякая торговая дѣятельность, какъ бы ничтожною ни казалась она на бумагѣ, питаетъ тысячи людей и ведетъ сотни ихъ къ благосостоянію.

«Выгоды Аму-дарья, говоритъ Борнсъ, должно почитать весьма важными и въ политическомъ, и въ торговомъ отношеніи; по удобствамъ своимъ, эта рѣка какъ бы предназначена быть путемъ для перевозки товаровъ или для какой-нибудь военной экспедиціи. И не по одному руслу дѣлаемъ мы это заключеніе. Должно припомнить, что берега ея населены и обработаны. Слѣдственно, это рѣка не только судоходная, но и обладающая всеми удобствами къ расширенію нынѣшняго судоходства. Она имѣетъ самое прямое теченіе, и, за исключеніемъ небольшой степи, соединяетъ Европейскіе народы съ отдаленными странами Средней Азіи.»

Довольно говорили мы о торговыхъ сообщеніяхъ. *Foreign Quarterly Review*, который въ послѣдней книжкѣ всею силою своего краснорѣчія защищаетъ свою Индѣйскую державу отъ нашествія на нее Русскихъ, превосходно доказалъ и удобность пути отсюда въ Бухару, и неисчислимыя выгоды торговли съ нею для Англичанъ. Трудъ его чрезвычайно упрощаетъ наше разсужденіе: какъ скоро путь удобенъ изъ Бухары въ Индію, онъ такъ же хорошъ и обратно; если Индѣйская торговля очень выгодна для Бухарцевъ, она столько же выгодна и для тѣхъ частей Россіи, которыя поближе къ Бухаріи. Все дѣло довольно точно выражается въ слѣдующихъ словахъ: когда сообщеніе съ Бухарою будетъ безопасно, мы можемъ съ пользою участвовать въ прямой торговлѣ съ Индією. Займемся теперь исключительно любопытными подробностями прекраснаго путешествія поручика Борнса.

Въ началъ 1851 года, Г. Горнсъ отправился изъ Индіи съ пятью лошадьми, посланными отъ Англійскаго правительства въ подарокъ Лагорскому магараджѣ, или властителю, Ренджитъ-Сину. Ему поручено было слѣдовать вверхъ по Инду, и собирать всевозможныя свѣдѣнія о плаваніи этою могущественной рѣкою. Ненависть эмировъ Синдскихъ едва не уничтожила этого предпріятія, но должна была уступить твердости и благоразумію посланнаго, и рѣка Индъ была осмотрѣна Европейскими плавателями въ первый разъ послѣ Александра Великаго. Увидѣвъ плывущихъ Англичанъ, одинъ изъ стоявшихъ на берегу Синдовъ воскликнулъ: «Пришелъ конецъ Синдскому краю, когда *Инглизы* явились на нашей святой рѣкѣ!» Этотъ Синдъ вѣрно былъ изъ пророковъ.

Наконецъ они достигли страны Сейковъ, принадлежащей Ренджитъ-Сину. Это было вечеромъ.

«Только разсвѣло, и поданные магараджи засуетились, любопытствуя видѣть лошадей: мы выгрузили ихъ напоказъ. Удивленіе ихъ было чрезвычайно: «Да это не лошади, а маленькіе слоны!» говорили они. Гривы и хвосты ихъ правились, кажется, потому, что были похожи на шерсть Тибетскихъ коровъ. Не легко мнѣ было отвѣчать на все вопросы. Эти люди думали, что подарокъ Англійскаго Короля долженъ быть чѣмъ-то необычайнымъ во всехъ возможныхъ отношеніяхъ: они полагали, напримѣръ, что ломовая лошадь идетъ и большимъ и малымъ галопомъ, и дѣлаетъ все эволюціи, къ какимъ способно только самое легкое животное. Изумленіе ихъ достигло высшей степени, когда они стали разсматривать копыта, и все неотступно просили, чтобъ я дозволилъ послать одну подкову въ Лагоръ; потому что въ ней найдено было 100 рупій вѣсу, то есть, вчетверо противъ здѣшнихъ. Эту рѣдкость отправили съ парочнымъ, присоединивъ къ ней самое точное измѣреніе каждой лошади для подробнаго доклада Ренджитъ-Сину. Можно себѣ представить, въ какомъ уваженіи была эта достопримѣча-

тельность, когда послѣ говорили, что «глядя на нее, новый мѣсяцъ побѣднѣлъ отъ зависти!»

Въ Лагорѣ путешественники видѣли великолѣпный садъ Шахъ-Джихана. Это остатокъ Могольской роскоши, въ полмили длиною, съ тремя террасами, возвышающимися уступомъ. Каналь, проведенный издалека, пересѣкаетъ этотъ прекрасный садъ, и снабжаетъ водою четыреста пятьдесятъ фонтановъ, освѣжающихъ воздухъ.

Г. Борнсъ не нахвалится обхожденіемъ Ренджитъ-Сина, и описываетъ его, какъ и Викторъ Жакмонъ, человѣкомъ дѣятельнымъ, смѣливымъ и любознательнымъ. Онъ показывалъ путешественникамъ свое войско, весьма хорошо обученное Французскими офицерами, и съ любопытствомъ разсирасивалъ о сравнительной силѣ Англій и Франціи.

Исполнивъ возложенное на него порученіе, поручикъ Борнсъ предпринялъ, въ сопровожденіи доктора Джерарда, дальнѣйшее путешествіе въ средину Азіи. Изъ владѣній Ренджитъ-Сина перешли они въ страну Афганцевъ, и остановились въ главномъ городѣ Кабульскаго ханства, Пишаверѣ, гдѣ Султанъ Мухаммедъ-Ханъ принялъ ихъ самымъ дружелюбнымъ образомъ. Бѣдному доктору было много хлопотъ съ Афганцами, которые, въ своей терапіи, придерживаются суевѣрія древнихъ Грековъ, и тогда только слушаются врача, когда онъ подробно объяснитъ имъ дѣйствіе предписаннаго лекарства на всѣ органы. Особенно любопытствуютъ они знать, горячимъ или холоднымъ путемъ оно дѣйствуетъ на мокроты. Несмотря на частыя ихъ посѣщенія, путешественники были довольны пребываніемъ своимъ въ Пишаверѣ и обществомъ Афганцевъ, которыхъ обычаи больше Европейскіе, чѣмъ Азіятскіе. Однако жъ кушанья

тамъ не разнообразны и замѣчательны только обиліемъ жирныхъ мясъ: приготовленіе ихъ очень похоже на наше, хотя здѣсь не знаютъ употребленія ножей и вилокъ. Борнсъ и товарищъ его часто приглашаемы были обѣдать въ садахъ, на открытомъ воздухѣ, среди благоуханія прекрасныхъ цвѣтовъ; но лучи палящаго солнца обыкновенно дѣлали для нихъ эти обѣды несносными. Когда они пріѣхали въ Пишаверь, виноградъ, груши и яблоки были въ совершенной зрѣлости, но еще задолго до ихъ отъѣзда все это посохло отъ солнца.

Пишаверская равнина лежитъ въ тысячѣ семи стахъ футовъ надъ поверхностью моря. Когда путешественники прибыли въ Пишаверь, вершины окрестныхъ горъ покрыты были снѣгомъ, но къ 1 Апрѣля не осталось и слѣдовъ его. Рѣдкость дождей, которые идутъ очень непостоянно, содѣлываетъ жары въ Іюнѣ и въ Іюль несносными, за то зимы здѣсь холодны и продолжительны. Растенія и травы прозябаютъ съ удивительной силою; но не видно ни елей, ни другихъ деревъ, украшающихъ страны сѣвера.

Путешественники пріѣхали въ городъ Кабуль 1 Мая, а на другой день встрѣтились съ знаменитымъ миссіонеромъ, перекрещенцемъ изъ Жидовъ, Вольфомъ, который только что воротился изъ чрезвычайно опаснаго путешествія въ Мешгедъ. Его схватили и сдѣлали невольникомъ; но, по физической его малощности, онъ былъ отпущенъ Туркменцами за небольшой выкупъ. Близъ Балха грозили ему смертію, если онъ не приметъ магометанской вѣры: онъ и тутъ выпутался изъ бѣды, отдавъ послѣдній гульденъ. Послѣ того, избитый до полусмерти, онъ долженъ былъ проѣзжать чрезъ длинный хребетъ горъ по снѣгу, въ сажень глубиною, и, къ довершенію своего несчастія, лишился тамъ лошади. Онъ пришелъ

въ Кабуль безъ платья и безъ денегъ, и встрѣча съ нашими путешественниками была для него неожиданнѣе благополучіемъ. Въ странствіяхъ своихъ онъ особенно занимается изслѣдованіемъ всего относящагося до поколѣнія Евреевъ. Не даромъ побывалъ онъ и въ Кабуль: Афганцы сами выдаютъ себя за отрасль Іудейскаго народа, и именно за одно изъ утраченныхъ колѣнъ. Не знаемъ, наши ли этимологи увѣрили ихъ въ этой глупости, или они нашихъ этимологовъ, — но то вѣрно, что послѣдніе нашли въ ихъ языкѣ множество Еврейскихъ словъ. Патеръ Крушинскій, авторъ известной исторіи покоренія Персіи Афганцами, сочиненной имъ на двухъ языкахъ, Латинскомъ и Турецкомъ, былъ также увѣренъ, что они «изъ Жидовъ.» Г. Вольфъ, несмотря на глубокія свѣдѣнія во всѣхъ языкахъ Востока, занимается своимъ предметомъ исключительно, и гордится тѣмъ, что онъ въ жизнь свою не сдѣлалъ и десяти шаговъ въ сторону для посѣщенія какихъ-нибудь древнихъ развалинъ. Онъ объѣхалъ Египетъ, Персію, Палестину и многія другія земли, ища повсюду слѣда Евреевъ, и теперь та же цѣль поведетъ его въ Тибетъ, Китай, Японію и Тимбукту. Кажется, что, въ бытность свою въ Кабуль, онъ очень забавлялъ товарищей своею образностью и живостью религіозныхъ своихъ мнѣній.

Достъ-Магометъ, ханъ Кабульскій, принялъ путешественниковъ какъ нельзя лучше, и дѣлалъ имъ такіе вопросы, которые показываютъ въ немъ необыкновенную для Азіятца образованность. Слышавъ отъ Русскихъ купцевъ о рекрутскомъ наборѣ и о воспитательныхъ домахъ въ Россіи, онъ разсуждалъ объ этомъ съ поручикомъ Борнсомъ; спрашивалъ его о состояніи Европы, Китая, Индіи, и о цѣли его путешествія. Замѣчательно, что Кабуль не имѣетъ съ Индіей такихъ важныхъ сношеній какъ съ Россією, ко-

торой слава день ото дня здѣсь распространяется. Русскихъ хвалятъ всѣ въ одинъ голосъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ случаѣ нужды мы нашли бѣ въ Афганцахъ усердныхъ союзниковъ. Почтеніе, питаемое здѣшними жителями къ Русскому имени, изумило Англійскаго поручика, который съ досады вздумалъ увѣрять ихъ, будто мы, Русскіе, такъ дурно учимся Географіи, что даже не знаемъ, гдѣ лежитъ Кабуль. Читатели! пристыдите этого дерзкаго поручика, скажите, гдѣ лежитъ Кабуль, гдѣ живутъ наши обожаемые, Афганцы.....?

«Кабуль чрезвычайно шумный и населенный городъ. После обѣда такой гвалтъ, что нельзя разговаривать на улицѣ. Большой базаръ — красивая аркада около 600 футовъ въ длину и около тридцати въ ширину; онъ раздѣленъ на четыре равныя части. Кровля выкрашена, и надъ лавками выстроено нѣсколько домовъ. Планъ очень хорошій, но неконченный; также оставлены принадлежащія сюда водометы и чистерны. При всемъ томъ, мало такихъ базаровъ на Востокѣ, и нельзя не удивляться множеству шелковъ, суконъ и товаровъ, разложенныхъ подъ его сводами. Любопытно видѣть его вечеромъ; каждая лавка освѣщена лампою, привѣщенной спереди, отчего весь городъ кажется иллюминационнымъ. Здѣсь для всякаго промысла особенный базаръ, и всѣ они заняты. Есть, между прочимъ, торгующіе книгами и бумагой, которая по большей части Русская и синяго цвѣта. Май мѣсяць настоящая пора для *фелюдѣ*, или бѣлаго сиропа, который добываютъ изъ пшеницы, и пьютъ съ шербетомъ и снѣгомъ. Народъ очень его любитъ, и лавочники во всѣхъ частяхъ города безпрестанно продаютъ. Подлѣ, стоитъ снѣжный столпъ, а вблизи бьетъ фонтанъ, и освѣжая воздухъ, придаетъ лавкамъ опрятную наружность. Вокругъ пекаренъ шумятъ толпы народа, ожидающія хлѣба. Его пекутъ, примазывая къ стѣнкамъ печи. Кабуль славится своими *кебабами*, или жаренымъ мясомъ, изрѣзаннымъ въ глотки, котораго очень много покупаютъ, и рѣдкій жаритъ его у себя дома. Въ Маѣ мѣсяць лакомятся здѣсь *ревашемъ*.

Это просто бѣлый ремень, взрощенный во всегдашней тѣни, и чрезвычайно вкусный. *Шабашъ ремешъ!* «Вивать ремень!» кричатъ разношники по улицамъ. Въ многолюднѣйшихъ частяхъ города есть расказчики, какъ и въ Персїи, забавляющіе зѣвакъ, и дервиши, восхваляющіе славу и подвиги пророковъ. Только попадись этимъ господамъ хлѣбникъ, они сейчасъ требуютъ отъ него булки во имя всякаго пророка поочередно, и если судить по числу ихъ, то ремесло должно быть очень прибыльно. Въ Кабуль не ѣздить на колесахъ; но улицы не очень тѣсны: въ сухую погоду содержатся онѣ въ весьма хорошемъ состояніи, и пересѣкаются маленькими крытыми водопроводами съ чистою водою, что очень удобно для народа. Базары были для меня не такою новостью, какъ самая наружность людей. Они расхаживали въ своихъ овчинныхъ тулупахъ, и казались толсты какъ бочки отъ множества надѣтаго на нихъ платья. Дети всѣ съ полными и такими румяными щеками, такъ что я принялъ-было это за искусственную краску. Тѣ, кто постарѣе, кажется, его теряютъ. Въ Кабуль до 60,000 жителей, и всѣ единогласно утверждаютъ, что ихъ городу по-крайней-мѣрѣ 6000 лѣтъ. Есть народное повѣрье, что когда діаволь свергнуть былъ съ неба, онъ упалъ прямо въ Кабуль: жаль, если не въ дождливую погоду, потому что тогда онъ утопулъ бы въ грязи на улицѣ.»

Довольные пребываніемъ въ Кабуль, путешественники отправились наконецъ далѣе черезъ Гинду-кушъ, грозный хребетъ снежныхъ горъ, и достигли знаменитаго Баміана.

Этотъ древній городъ, можетъ-быть, тотъ самый, который Александръ Великій основалъ у Паропамиза, нынѣшняго Гинду-куша, передъ вторженіемъ своимъ въ Бактрію. Страна отъ Кабула до Балха по-сюпору называется *Бахтаръ-земинъ*, то есть, «Бахтаръ-земля.» Имя «Бахтаръ» напоминаетъ древнюю Бактру. Самое названіе Баміанъ какъ будто указываетъ на возвышенность мѣстоположенія, потому что *бамъ* значитъ по-Персидски «плоская кровля» домовъ. Здѣсь

есть безчисленное множество пещеръ, въ которыхъ живетъ большая часть народонаселенія. Одинокій холмъ посреди долины усѣянъ ими, какъ сотъ ячеями, и напоминаетъ Троглодитовъ, описываемыхъ историками Александра. Холмъ состоитъ изъ глины и гольшей, и потому легко было вырывать въ немъ пещеры: удивительно лишь, до какой степени это здѣсь простерлось. По обѣимъ сторонамъ долины есть также пещеры, но болѣе къ сѣверу, гдѣ находятся и истуканы. Они по большей части съ кувическими, то есть, старо-Арабскими надписями, и слѣдственно относятся ко временамъ послѣ Магомета. Нѣкоторыя пещеры выведены куполомъ, и по краямъ его тянется фризь. Кромѣ этого, не видно ни какихъ архитектурныхъ украшеній.

Ни одинъ памятникъ Азіятской древности не обращалъ на себя такого вниманія Ученыхъ, какъ колоссальные идолы Баміана. Это двѣ фигуры, одна мужская, другая женская: первая называется Самалъ, вторая Шахъ-Мама. Мужская фигура около 120 футовъ вышиною, и занимаетъ фасъ въ 70 футовъ: впадина, въ которой она изваяна, простирается также на 70 футовъ во внутренность утеса. Ноги истукана изуродованы пушечными выстрѣлами, и лице выше рта все истреблено. Губы очень широки, уши длинные и вислчи, а на головѣ была, по видимому, діадема. Вся фигура обвѣшана мантиею, сдѣланною какъ бы изъ цемента. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ старались еще укрѣпить ее деревянными кольями. Впрочемъ, въ отлѣкъ нѣтъ ни соразмѣрности, ни чистоты. Руки, поддерживавшія мантию на распашку, обѣ отбиты.

Женская фигура лучше выполнена, но одѣта такъ же, какъ мужская. Она около 200 локтей отъ первой, выстѣчена изъ того же утеса, но въ половину ниже. Ни-

ши обоихъ истукановъ были покрыты цементомъ, и расписаны человѣческими изображеніями. Теперь, живопись видна только надъ головами идоловъ. Краски такъ же ярки и очерки такъ же рѣзки, какъ въ Египетскихъ гробницахъ. Всѣ эти изображенія представляютъ женскіе бюсты, съ хохломъ волосъ на головѣ и съ какою-то тогою по груди. Все это окружено однимъ сіяніемъ, а голова другимъ. Въ одномъ мѣстѣ видна группа изъ трехъ женскихъ фигуръ, какъ бы идущихъ другъ за другомъ.

Народныя сказанія объ этихъ истуканахъ сбивчивы и неудовлетворительны. Утверждаютъ, что около Рождества Христова они изсѣчены были племенемъ невѣрныхъ, которые хотѣли изобразить царя Селсея съ женою, царствовавшего въ какой-то отдаленной странѣ, и обоготвореннаго за его величіе (или за величину?). Индѣйцы говорятъ, что эти истуканы сдѣланы поколѣніемъ Панду, и что будто объ нихъ упомянуто въ Магабаратѣ. Одно то достовѣрно, что ни одинъ Индѣецъ не пройдетъ мимо ихъ безъ поклона. Длиныя уши большей фигуры заставляютъ почитать вѣроятнымъ, что объ онѣ Будданческаго (Далай-ламскаго) происхожденія. Кажется, всего ближе къ истинѣ, что Баміанскими истуканами обязаны мы прихоти какого-нибудь знатнаго властелина, который хотѣлъ увѣковѣчить себя въ этихъ пещерахъ. Но мы забыли о нашихъ путешественникахъ, — потому что эти любопытныя подробности о Баміанскихъ истуканахъ приводимъ изъ *Asiatic Journal*, журнала издаваемаго въ Калькуттѣ, а не изъ сочиненія Г. Борнса.

Путешественники посѣтили знаменитый вѣкогда Балхъ, процвѣтавшій и подъ именемъ Бактріи и подъ нынѣшнимъ. Теперь въ немъ только 2000 жителей, но развалины его лежатъ на двадцать миль въ окружности, и свидѣлствуютъ о прежней славѣ этой

«матери городовъ», *умму'ль-биядъ*. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ перешелъ отъ Афганцевъ во власть Бухаріи, которой всегда принадлежалъ.

«Мы выѣхали изъ Балха въ полночь, съ небольшимъ караваномъ въ двадцать верблюдовъ. У каждаго изъ нихъ висѣло черезъ спину по двѣ корзины, называемыхъ куйвами, а въ корзинахъ было по человѣку: такимъ образомъ, докторъ качался съ какимъ-то Афганцемъ, а я съ моимъ Индустанскимъ слугою. Сначала этотъ родъ путешествованія не могъ казаться удобнымъ, потому что корзины были въ четыре фута длины и въ два съ половиной ширины, и надлежало быть очень гибкимъ и замысловатымъ, чтобъ упрятать въ нихъ, какъ кипу товаровъ, живое тѣло въ шесть футовъ длины безъ малаго. Привычка скоро помирила насъ съ колыханіемъ верблюда и тѣснотой помѣщенія, а сверхъ того мы сдѣлали важное открытіе: тутъ намъ можно было читать и даже писать, не бывъ замѣченными.»

Караванъ, подъ прикрытіемъ Туркменцевъ, достигнулъ береговъ Аму-дарьи. Переправа черезъ эту большую и быструю рѣку достойна вниманія по своей странности: въ лодку впрягаютъ, или точнѣе привязываютъ къ ней канатомъ за гриву пару или четверную лошадей; лодочникъ управляетъ ими, и въ четверть часа вы преспокойно переезжаете пространство воды, съ полмили шириною.

«Близъ того мѣста, куда мы теперь пріѣхали, есть поколеніе Узбековъ, называсмосе Лакай, и прославившееся своимъ грабительствомъ. У нихъ есть пословица, налагающая проклятіе на тѣхъ, кто умретъ въ постель, потому что истинному Лакаю непременно должно погнѣбнуть въ набѣгѣ, или *чалу*. Мнѣ сказывали, что иногда и женщины сопровождаютъ мужей въ этихъ разбойническихъ экспедиціяхъ, но гораздо достовѣрнѣе, что молодыя красавицы грабятъ только тѣ караваны, которые проходятъ неподалеку отъ ихъ жилищъ. Это племя живетъ близъ Гиссара, — самаго романическаго въ цѣломъ краѣ оазиса съ городомъ того же имени: кромѣ

Лакайскихъ Амазонокъ, тутъ есть еще три или четыре племени, набивающіяся въ потомство Александру Великому.

О пребываніи въ Бухарь имѣли мы случай говорить. Теперь прибавимъ только любопытную о образъ жизни молодаго царя Узбековъ :

«Вода, которую онъ пьетъ, приносится съ рѣки въ мѣлахъ, подъ присмотромъ и за печатью двухъ чиновниковъ. Распечатываетъ ее визирь; даетъ отвѣдать окружающимъ, потомъ самъ отвѣдываетъ, запечатываетъ снова и отсылаетъ къ хану. Ежедневная пища Его Величества подвергается такому же изслѣдованію: министръ откушиваетъ самъ и даетъ окружающимъ; съ часъ ждутъ они, не будетъ ли какого вреднаго дѣйствія, потомъ замыкаютъ въ сундукъ и отправляютъ. У хана одинъ ключъ, у визира другой. Такъ же точно испытываютъ плоды, варенья и все съѣстное, такъ что доброму царю Узбековъ едва ли когда достается горячій и свѣжій обѣдъ. Ядъ здѣсь въ большомъ употребленіи; даже восшествіе нынѣшняго «Великаго Падишаха» на престолъ окружено сильнымъ подозрѣніемъ, что онъ зелиемъ пособилъ силѣ закона о наследствѣи верховной власти. Разъ, одинъ туземецъ поподчивалъ меня смоквами; я взялъ одну и съѣлъ изъ вѣжливости. Но онъ предостерегъ меня отъ такой оплошности на будущее время: «Всегда, говорилъ онъ, должно «давать напередъ часть предложеннаго лакомства подчивающему, и если онъ станетъ ѣсть, тогда и вы можете послѣ «довать его примѣру.»

Несмотря на то, чѣмъ болѣе поручикъ знакомился съ Средне-Азіятцами, тѣмъ они становились ему любезнѣе, и онъ, кажется, романтически наслаждался ихъ обществомъ въ шумныхъ, полныхъ жизнью караванахъ. Какъ радушно дѣлятъ они другъ съ другомъ каждый кусокъ на дорогѣ! Варвары гостепріимны; образованные только вѣжливы.

Въ Мешгедѣ Борнсъ видѣлъ Хосрева-Мирзу, сына Аббасъ - Мирзы, бывшаго наследника Персидскаго престола:

«Скоро пустился я осматривать городъ и прежде всего въ аркъ, или цитадель, гдѣ былъ внезапно изумленъ присутствіемъ Хосревъ-Мирзы, того молодого принца, который ѣздилъ посломъ въ Петербургъ, а теперь исправлялъ должность Мешгедскаго намѣстника, пока отецъ его былъ въ полѣ. Кажется, путешествіе въ Европу принесло ему много пользы: онъ говорилъ со мною цѣлый часъ, спрашивая о моихъ странствіяхъ; потомъ шутилъ надъ моею бородой и одеждою, и увѣрялъ, что это было бы большою рѣдкостью въ моемъ отечествѣ. Онъ хотѣлъ знать, католикъ ли я или протестантъ, и дивился, какъ я благополучно достигъ Персіи. Онъ просилъ меня на другой день къ себѣ, что я и не приминулъ исполнить, потому что первый пріемъ оставилъ во мнѣ самое пріятное впечатлѣніе. На слѣдующее утро я засталъ принца за дѣлами въ аркѣ: къ нему приближались съ такимъ же строгимъ церемоніаломъ, какъ бы къ самому государю. Онъ чрезвычайно говорливъ, и рассказывалъ мнѣ о побѣдѣ своей въ Россію, отзываясь съ величайшими похвалами на счетъ воспитанія и любезной образованности тамошнихъ дамъ. Кто-то изъ его свиты, и вѣроятно очень приближенная особа, замѣтилъ, что Его Высочеству непременно слѣдовало возвратиться въ Персію хоть съ однимъ изъ этихъ ангеловъ. Принцъ отвѣчалъ, что это было невозможно, и сослался на меня.....»

Замѣчательнѣйшее зданіе въ «Мешгедъ-святомъ» есть гробница Надиръ-Шаха. Здѣсь живутъ еще потомки великаго завоевателя, но лишенные зрѣнія и въ крайней нищетѣ!

Мы не послѣдуемъ за поручикомъ Борнсомъ въ путешествіи его по Персіи, а остановимся только на очеркъ Фетхъ-Али-Шахова Двора:

«Кибле-и-алѣмъ, или Средоточіе Вселенной, — какъ называется шахъ, — сидѣлъ въ зеркальной палатѣ, и когда еще свѣтъ лица его не досягалъ до насъ, мы ужъ вытянулись и отвѣсили по поклону. Потомъ подошли ближе и

опять раскланялись, а Средоточіе Вселенной отвѣчало громко — *Хош-амедидъ!* «добро пожаловать!» Тутъ мы поднялись нѣсколькими ступенями и очутились въ шахскомъ присутствіи. — *Димае — и шума чакъ эста?* «исправны ли ваши мозги?» воскликнулъ Его Величество звучнымъ голосомъ. Мы стали въ углу, противоположномъ шахскому мѣсту, и отвѣчали на привѣтствіе поклономъ. Насъ было трое; мирзы-министры стояли по сторонамъ. Шахъ сидѣлъ отъ насъ шагахъ въ двадцати, и множество хрустала, разставленнаго съ лавочнымъ безвкусіемъ, отдѣляло насъ отъ царя царей.»

Подробности этого представленія очень любопытны, но слишкомъ длинны для выписки; вотъ нѣсколько строкъ для примѣра :

«Послѣ небольшого перерыва въ разговоръ, шахъ спросилъ съ неприятнымъ любопытствомъ, какое величайшее диво видѣлъ я въ моихъ странствіяхъ. Случай къ лести былъ слишкомъ благопріятенъ при такомъ тщеславномъ Дворѣ, какъ Персидскій, и я отвѣчалъ громкимъ голосомъ: «Средоточіе Вселенной! какое зрѣлище сравнится съ тѣмъ, «которое теперь созерцаю? Самое большое диво, какое я «видѣлъ, это свѣтъ лика вашего, о Убъжище Мира!» Шахъ сдѣлалъ знакъ удовольствія, за которымъ тотчасъ послышался одобрительный говоръ «столповъ государства,» совокупное изліяніе чувствъ царя и министровъ.»

Изъ Тегерана поручикъ Борнсъ отправился въ Буширъ, а оттуда моремъ въ Бомбай, совершивъ такимъ образомъ путешествіе, котораго счастливый успѣхъ превзошелъ всякое ожиданіе, и обогатилъ Науку множествомъ самыхъ любопытныхъ свѣдѣній о странахъ, дотолѣ весьма мало извѣстныхъ.

Е. К.